Екатерина Гичко

Печать Безумных

18+

Безымянные

Екатерина Гичко

Печать безумных. Безымянные

«Автор»
2026

Гичко Е. И.

Печать безумных. Безымянные / Е. И. Гичко — «Автор», 2026

Арван-Ё приманит. Арван-Ё убьёт.Страшные легенды окружают Арванское городище, отвоёванное у Дикого Хоётора. Хоётор не прекращает попыток вернуть древний город. В Салее среди знати зреет недовольство, недоброжелатели открыто требуют отказаться от полученных большой кровью земель. Хайнес не собирается уступать требованиям даже после устроенного покушения.И посреди этого противостояния шаткий мир с Диким Хоётор оказывается под ещё большей угрозой, когда в руки боевого мага Лирки попадает одна из загадочных жреческих печатей Хоётора.Арван-Ё тебя не оставит.

© Гичко Е. И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дикое приграничье 6
Глава 2. Безымянные 12
Глава 3. Господин города 20
Глава 4. Матери 27
Глава 5. Смерть жреца 35
Глава 6. Жреческая печать 41
Глава 7. Проклятое дитя 50
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Екатерина Гичко
Печать безумных. Безымянные

Весна, 579 год эры Храммàра

Глава 1. Дикое приграничье

Светло-песчаная подкова стены утопала в зелени разросшегося леса так, что виднелись только «рога» – осыпавшиеся оконечности каменной кладки. Солнце пронзало зелёные кущи, и до слуха доносился многоголосый птичий крик. Птиц в Арва̀нском городище водилось великое множество. Чем уж их привлекало место, которое отпугивало всех разумных смертных, – одни боги поймут.

Ну или духи.

– И что в нём такого?

Лирка стояла у бойницы на заставной стене и не отводила взгляда от древнего строения, расположенного восточнее и немного южнее самой заставы. Слова, высказанные вслух, будто были рассуждением, а не вопросом.

Но это был именно вопрос, заданный кое-кому конкретному.

Поморщившись, женщина отвела взгляд, но через секунду вновь посмотрела на заброшенное городище. Уже по своему желанию.

Она почувствовала, как внутри недовольно шевелится подселенец, и вновь ощутила жадное желание смотреть. И это было чужое желание.

Каждый раз, когда она оказывалась на стене, *их* взор притягивался к Арванскому городищу.

Арва̀н-Ё.

«Если тебе так хочется, давай сходим», – в который раз мысленно предложила она.

За десять с половиной лет пребывания на Ха̀ринской заставе Лирка бывала в Арванском городище лишь пару раз. Первый раз через три года после приезда на заставу и второй – пару лет назад.

В первый раз никто не вызвался в сопровождающие. У местных жителей и служивых городище пользовалось дурной славой.

В следующее посещение Лирка сама не пожелала искать спутника.

Прогулка не очень весёлая, чтобы брать с собой друзей.

«Смысл? Травиться только», – ядовито отозвался подселенец.

В солнечном свете и густой зелени городище выглядело вполне приветливо. Как дружеское напоминание о некогда великой и, к несчастью, почившей цивилизации. Стаи галдящих птиц только усиливали благостное впечатление. Казалось, что, если войти под древесную сень, можно ощутить тёплое прикосновение прошлого. Ярко воображались мощные корни, расползшиеся по светлым ступеням, огромные стволы, вдавленные в каменные стены, и пологи душистого вьюна, под которыми скрываются барельефы и послания от древней расы.

Всё так и было. Но помимо прошлого там явно жило и настоящее. Столкнуться с ним Лирке не довелось, но его присутствие ощущалось очень хорошо. Первый раз было даже страшно. Во второй раз она уже больше доверяла подселенцу и сама закалилась. Они даже с подачи этого гнусного соблазнителя каких-то ягод там нажрались, после чего вернулись на заставу очищенные и просветлённые.

– Эй, Лирка!

Женщина неохотно оторвала взор от городища и посмотрела на окликнувшего её кряжистого оборотня с густыми рыжими волосами и бородой-лопатой. Волосы сзади были подобраны в тяжёлый пучок, в который чья-то шаловливая рука уже воткнула воинственно-красное перо.

– Чё ты вечно на него пялишься? – оборотень неодобрительно прищурил рыжеватые глаза. – По заставе уже слухи ходют, что ты следующей приманишься и сгинешь там.

Лирка только раздражённо дёрнула крутыми дугами чёрных бровей. Вилàрий[1]Хабдúр смерил её нехорошим взглядом, как если бы заподозрил в чём. Нет, о боевом маге из своего отряда он был очень хорошего мнения. Немногословная девка с крепкими знаниями и – что главное! – нервами исправно несла службу. Девять лет назад, когда начальник заставы дофор-мировал их отряд черноглазой бабой, он не думал, что она приживётся. А она не только при-жилась – вросла в отряд! Даже на самой заставе смирились, что в рядах служивых появилась *честная* баба.

Всем хороша была Лирка. Хабдир на неё нарадоваться не мог. От других хатерàй[2], кото-рые порой залетали к ним на заставу в поисках остроты, отличалась честным отношением к службе. Никогда её по кабакам и чужим постелям искать не приходилось! Честно отслужила смену и пошла домой. Заработанное золотишко на выпивку и всякие финтифлюшки не тра-тила. Знакомств с местными запойными мужиками, которых в таком неспокойном месте боль-шинство, не водила. Вот всегда на неё можно положиться!

Но есть дурнинка! Сколько уж раз беседы вёл, увещевал, но тьху! Никогда не скажет, что зацепил её кто-то. Сама по лестнице спустит, рыло начистит, а потом смотрит своими чёрными гляделками и пойди догадайся, чего она утворила и будет ли хавàрий[3]взбучку из-за неё устраивать.

– Опять кого-то по лапам била? – подозрительно прищурился Хабдир.

С женщинами на приграничье было тяжко. А вот неотёсанного мужичья – больше потребного. Ведь в отдалённые и опасные места обычно совалось всякое отребье: бегущие от закона, долгов, ищущие лёгкой поживы и большого заработка, неудачники, любители драк и кровавых боёв и всякого рода мошенники. Наивных молодых оборотней, желавших обрести славу героев в этих страшных местах, было куда меньше. Да и они здесь – в обстановке совсем негероической – не задерживались. Так что бабам некуда было деваться от пошлого мужского внимания. И ладно бы только смотрели! Они ещё и лапы тянули, скоты! Лирка хоть и не была самой пригожей девкой, но, если не смотреть на правую половину лица, где от виска и почти до самой челюсти ветвится уродливый шрам, вполне себе хороша. Тощевата, правда, да высоко-вата, но груди есть. Гляделки только пугающе-чёрные, как бездна, да чернявые кудри стрижёт коротко.

Если простое мужичьё посмотрело, облизнулось да перевело взгляд на более сочных и понятных баб, то те, что из дохлой аристократии, так и вертелись. Лирка-то из учёных, в кол-дунской школе училась, по местным меркам почти им ровня, чем и влекла. Других подобных баб здесь по пальцам пересчитать можно. Вот Хабдир только трёх и помнит.

– Сегодня нет, – честно ответила женщина.

– А вчера? – мигом заподозрил неладное Хабдир.

– Вчера до дома меня Эдàр довёл.

Крякнув, виларий отстал с расспросами.

«А позавчера мы купали одну плешивую дрянь в дерьме», – гнусаво захыхыкал подселе-нец.

– Пошли за стену, – Хабдир тяжело вздохнул. – Там наши с хоётòрцами опять зубоскалят.

До слуха действительно доносился радостный шум, будто с гульбища. Лирка перешла на северную сторону и выглянула в бойницу. Внизу собрались ярко одетые хоёторцы – не менее шестидесяти оборотней, – а напротив них под самой стеной сидели служивые Харинской

---

[1] Вилàрий – то же самое, что и десятник. Это воинская должность.

[2] Хатерàй – слово из южносалéйского языка. Так называют воинствующих женщин и женщин, которые живут как мужчины. Иногда употребляется с издевательски-оскорбительными намерениями. Например: «Тоже мне, хатерай выискалась!».

[3] Хавàрий – можно перевести как «начальник». Но употребляется оно только в отношении оборотней, которые занимаются соблюдением внешнего правопорядка. Это воинский чин. Его носят начальники крепостей, гарнизонов и застав.

заставы. Обе стороны перебрасывались острыми, как соль разъедающими шутками и подначивали друг друга на что-то.

Лирка вспомнила, как увидела впервые такие посиделки через два месяца после приезда на заставу. Хоёторцы и служивые вот так же острили, потом устроили шуточные бои. Помнила, какой успокоенной чувствовала себя, глядя на их дурачества. Думала, что раз с кочевниками дружелюбные отношения, то об опасности жизни на границе с Диким Хоётòром сильно преувеличили.

Через три дня после посиделок кочевники напали на заставу и близлежащие поселения. Атака была отбита, полосу между заставой и Лесом усеивали растерзанные тела. Месяц салèйцы и хоёторцы смотрели друг на друга волками, а потом опять всё наладилось.

До следующей стычки.

За стеной было очень шумно. Салейцев высыпалось едва ли пять десятков, но со стен их жарко поддерживало ещё не менее сотни. Лирка осмотрелась, выискивая своих, но нашла только высокого золотоволосого Нàрия, который с брезгливым высокомерием смотрел на одетых в шкуры хоёторцев.

Несмотря на меха, дикими лесными людьми, как любил величать их Нарий, кочевников назвать было нельзя. Высокие широкоплечие мускулистые мужчины были обряжены в широкие штаны и густо расшитые обережной вышивкой сапоги. Кто-то носил и такие же вышитые рубахи. Ткань их одежд была куда более добротной, чем у большинства служивых на заставе. Но многие всё же рубахам предпочли роскошные меха. В такую жаркую погоду никто кутаться не хотел, а если хоёторцу нужно было выбирать между тканью и шкурой, он выберет последнюю, которая по их суевериям лучше защищала от всякого рода порчи.

Лирка скользнула взглядом по лицам кочевников. Скуластые, с ястребиными носами и раскосыми глазами. Все воины сплошь смуглые, черноволосые. Судя по внешности, пришли с западной стороны. Все конные, упряжь лощёная, пестреет охранными амулетами. Лошади дико косят глазами, неистово перебирают окованными железом копытами.

– Красуются, подлюги, – с усмешкой протянул Хабдир.

Чуть впереди он заметил невысокую, но широкую фигуру хавария Геда. Начальник заставы с прищуром смотрел на гостей, а точнее, на одного из них, спешившегося чернобородого мужчину. Судя по поясу, обережная бахрома которого спускалась едва ли не до колен, маг. Хабдир уважительно смерил взглядом широченные плечи. Такому никакой волшбы не нужно, чтобы дух вышибить. Видал его виларий в бою, посохом тот орудовал как булавой, а колдунством как косой выкашивал.

– Чего хотят? – Хабдир подошёл к начальнику и кивнул в сторону хоёторцев.

– Потешиться, – хаварий Гед зло искривил губы. – В колдунских умениях. У мага их, видать, в заднице чешется от сидения.

– Так пусть чешется дальше.

– Лирк, иди ты, что ль…

Хабдир тут же пожалел, что вообще подошёл, и недовольно взъерошил усы.

– Так нам ж… – начал он, но хаварий махнул на него рукой.

Лирка молча перекинула ремень арбалета через плечо, передала его виларию и пошла пробиваться через толпу. На неё сперва недовольно ворчали, но, узнав, торопливо, с предвкушением расступались. Вышла она прямо напротив хоёторца, прошла три сажени навстречу и замерла.

Гул со стороны кочевников смолк, повисла изумлённая тишина. Мужчины неприязненно, даже брезгливо её осматривали, задерживая взгляд на перетянутой груди. Тощую бледную женщину они явно восприняли как оскорбление. Возмущаться, правда, не стали: чего ещё ждать от врага? Удальца-молодца под стать их колдуну? Так где такого шелудивым взять? Вот и подослали если не победить, то хоть оскорбить.

Хоёторский колдун повёл широченными плечами, сбрасывая наземь шкуру, и криво усмехнулся в бороду. Шкура оказалась единственным одеянием, прикрывавшим его торс, и теперь мужчина внаглую поигрывал бронзовыми мышцами, расписанными чёрной вязью татуировок. Его разоблачение хоёторцы встретили одобрительным рёвом.

– Лирка, давай и ты! – подначивали с салейской стороны.

Девушка, не оборачиваясь и не реагируя, упрямо склонила голову, исподлобья смотря на противника. Улыбка того криво сползла, и колдун сплюнул, вроде как бы брезгливо, но салейцы загоготали.

– Ты смотри, суеверный!

– Щас от одного взгляда побежит!

– Слабы хоёторцы перед страстными женскими очами!

Лирка продолжала смотреть, а колдун высокомерно вздёрнул подбородок. Девушка не видела, не слышала, но чувствовала, как за спиной противника шелестят шепотки и звучат сочные плевки. Ну чтоб оберечься от порчи, которую насылают те, у кого вместо глаз бездна.

Не отводя взгляда, Лирка слегка повернула голову, показывая шрам.

– Не нравится, – Хабдир, прищурившись, наблюдал за стоящими напротив друг друга магами.

– А вашей цаце кто-то нравится? – глумливо спросил тощий рыжий оборотень из передних рядов.

Хабдир было глухо зарычал, но на рыжего как на вошь глянул стоящий рядышком Нарий. Тот испуганно охнул, опознав соседа, и зайцем сиганул в толпу под гогот вояк.

– Мне тоже не нравится, – честно признался Хабдир хаварию.

Тот недовольно закряхтел и раздражённо зыркнул на оборотня снизу вверх.

– Ничего, пусть потешатся.

– Чему тут тешиться? – возмутился Хабдир. – Ему, – он махнул рукой на хоёторского колдуна, – уже пятая сотня, а Лирке ещё и шестидесяти нет. Маг она толковый, но он-то опытнее. Слышал, большой учёности мужик.

– Так не насмерть же! Лирка баба умная, на рожон не полезет. А нашим будет полезно посмотреть на вражьего мага в бою.

– Да у нас на всей заставе никого под стать ему нет! Самому «древнему» чуть больше двухсот, да и тот так зазнался, что я его и сам своей «волшбой» перешибу.

Хабдир кивнул в сторону длинного тощего мужчины с уже наметившейся залысиной. Поганенько улыбаясь, тот полным превосходства взглядом смотрел на Лирку, ожидая её унижения.

– Чего взъелся-то?! – хаварий недовольно на него зыркнул.

– Так того, что она из моего отряда! Единственного толкового мага урвал, а вы…

– Урвал он! – возмутился хаварий Гед. – Да я от груди оторвал, а ты ещё нос воротил, скля̀да такая!

– Да упротив него надо мастера из столичной колдунской школы ставить, с опытом и древними знаниями, – горячился Хабдир. – Ну кто против него ещё вытянет?

Лирка слегка повела плечами, разминаясь, и наконец оторвала взгляд от лица противника, чтобы посмотреть на его руки. Казалось, что колдун собирался идти в рукопашный бой. Он занял боевую позицию, выведя левую руку вперёд, а правую немного назад и вниз, ближе к животу.

«Что-то из хага̀нского наследия, – заинтригованно протянул господин Наэш. – *Древность страшная».*

«Проснулся, главный по праху, – издевательски протянул подселенец. – *Я с вами позорно в грязи валяться не буду!»*

«Иррѐс, будь другом, помолчи», – мягко попросил господин Наэш.

«Кем?!»

«Лирка, встань немного левее и посмотри на него сбоку… Ага! Те щиты, что ты изучила, не помогут».

«Жрать нам землю!» – пророчески взвыл подселенец.

«У этого приёма очень поэтичное название. Морская волна, возносящая на гребень».

«Гребень позора?»

«В этот раз ты прав, – согласился господин Наэш. – *У него есть одно слабое место, но воспользоваться им сложно. Волна катится сплошным потоком, но в определённый момент она на очень короткий миг отрывается от земли. Нам нужно успеть просунуть под неё наш ответ. Иначе нас… очень сильно ударит…»*

«Я так и знал!»

«…и кое-кто замучает нас нытьём, – холодно закончил господин Наэш. – *Иррес, будешь считать. Как только увидишь, что волна оторвалась, скажешь «три». Милая, в этот момент протолкнёшь по земле самый плотный щит».*

Говорить, какой именно щит, не стал, давая Лирке возможность самой выбрать и заодно показать, как усвоены знания.

Хоёторский колдун медленно начал отводить левую руку назад, а правую выводить вперёд. Воздух сильно посвежел, Лирка ощутила запах влажной соли.

«Один».

Лёгкий ветер вплёлся в кудри. Колдун отступил, отведённая назад рука выпрямилась и плавно качнулась, как расправленное крыло.

«Два».

Лирка шевельнула пальцами и, не скрывая намерений, выписала в воздухе символ защиты. Подселенец внутри молчал, хотя пауза в счёте затянулась. Влажный солёный воздух сильнее обдал лицо, приятно овеял вспотевшую шею и будто *зажурчал* как вода. Раздражающе медленно колдун вознёс выгнутую крылом руку вверх и плавно, словно кого-то деликатно подтолкнув, вынес вперёд раскрытую ладонь правой руки.

Ласкающий ветер вмиг вцепился в кудри когтями и дунул так, что трава оплелась вокруг ног.

«Три».

Пальцы привычно выписали символ стремительного бега и пустили щит по земле. В тот миг, когда казалось, что шквальная волна сейчас снесёт и Лирку, и всех вышедших за стены салейцев и размажет их по этим самым стенам, ветер внезапно оборвался. Оторванный лист звучно пришлёпнулся ко лбу женщины, и та покачнулась, не ожидая столь нелепого удара.

«Тьфу, травинкой перешибли», – не удержался от ехидства подселенец.

А вот колдун встретил посланный щит с гулким сочным шлепком и полетел на землю.

Повисла восторженная тишина. Салейцы с благоговением – в большинстве своём – смотрели на поверженного колдуна, хоёторцы же с испуганным изумлением. Тот вскочил на ноги и, гневно щуря глаза, шагнул к Лирке. Но почти сразу остановился, вспомнив правила потешных боёв: до первого поражения.

«А морда стала ещё более плоской», – глумился дух.

«Красовался много, – холодно отозвался господин Наэш. – *Отработал бы быстрее, и нашей девочке пришлось бы худо. Лиркая, не очаровывайся победой. В реальном бою ты бы даже не успела заметить, что он сделал».*

Лирка спиной вперёд отошла к ликующим салейцам и поспешила пробраться через ряды к светящемуся хаварию и приятно удивлённому виларию.

– Повезло, – коротко ответила она на не успевший прозвучать вопрос.

– Везение – это тоже качество мастера, – хаварий потрепал её по плечу. – Чем больше знаешь, тем чаще везёт. Сама-то как он можешь?

Лирка мотнула головой.

– Сложно. Старое искусство. Учиться почти не у кого.

– Эх, тебе бы поднабраться опыта, я бы тебя главным магом над местными дуралеями поставил, – запальчиво выдохнул хаварий.

Хабдир торопливо осмотрелся – не услышал ли кто – и скривился, поймав полный ненависти взгляд плешивого мага.

– Да зелёная ещё, – поспешил за Лирку отмахнуться от такой чести виларий.

Местные маги – трусло выпендрёжное – и так на дух её не переносили. Завистники паскудные! Хабдир каждый раз опасался, что они вместе соберутся и колдунством своим что-то с Лиркой учудят.

Но той действительно везло!

«Повезло так повезло. Да, Наэш?» – ехидно протянул дух.

Господин Наэш не отозвался. Большую часть времени он вёл себя как приличный мертвец: живых не беспокоил.

Глава 2. Безымянные

– Тюп со своим отрядом так и не вернулся, – хаварий Гед раздражённо прищурился и пальцами расчесал густую бороду.

Они с Хабдиром неторопливо шли по двору, Лирка следовала немного поодаль. Чуть в стороне, у стены, остановился красавец Нарий. Остальные члены отряда тоже постепенно подтягивались и, позёвывая, ожидали, когда начальство завершит разговор.

– Никак опять в окрестностях какая погань объявилась.

Хабдир рассеяно кивнул. Тюп мог нарваться и на хоёторцев, но даже после самых злых стычек с местными возвращались посыльный, лекарь и, если имелся, смотрящий, обычно не участвующие в боях. Если отряд не возвратился полностью, то чаще всего причиной была встреча с чем-то или кем-то пострашнее хоёторцев.

– Хотел отправить вас поглубже в Лес, чую, там что-то затевается. Но теперь пойдёте на поиски Тюпа и его ребят, – последнюю фразу хаварий нарочно сказал громче, и члены отряда пришли в движение.

Кое-кто направился в сторону складов за подходящим для поисков снаряжением. В каждую вылазку разведотряды брали с собой такое снаряжение на случай, если столкнутся с союзником, попавшим в сложное положение. Но брали не в том количестве, чтобы потом при хорошем стечении обстоятельств доставить на заставу десятерых раненых – стандартное число малого отряда. Впрочем, Лирка не могла припомнить случая, когда в живых оставался весь отряд.

Сама Лирка осталась на месте. Как магу ей полагалось иметь при себе другой набор необходимых вещей, и её главной обязанностью было прикрывать отход товарищей. В землях Дикого Хоётора водилось слишком много дряни, справиться с которой больше помогали мозги, опыт и магия. Физическая сила в этом списке шла последней.

Хабдир распрощался с хаварием Гедом и, тяжело ступая, подошёл к ожидавшей его Лирке. Красавец Нарий приблизился к ним и холодно посмотрел на женщину. Та ответила пристальным взглядом, и виларий напрягся.

– Чего не так?

Эта парочка редко ссорилась. Высокородный Нарий, неведомо что позабывший в их краях, и образованная, пусть и крестьянского происхождения Лирка чувствовали некое родство. Хабдир не знал, какие обстоятельства вынудили Нария приехать на северное приграничье, но подозревал, что, как в случае с Лиркой, оборотень не поладил со своим семейством. Только вот Лирка не поладила со спесивым семейством мужа.

– Она бросила Дорѝния в канаву с нечистотами, – чистый голос Нария звенел ледяным недовольством.

– Ты сказала, что ничего не делала?! – разозлился Хабдир.

– Это было позавчера, – мягко отозвалась женщина.

– Так сложно не обращать на его выпады внимания? – Нарий уже злился. – А если он опять сговорится с дружками и тебе в этот раз не повезёт? Дерьмо воняет, а ты в него ещё и пальцем тыкаешь.

Виларий молчал, только тяжело сопел.

Виновато опустив голову, Лирка раздражённо подумала об одном не в меру обидчивом духе, с которым не всегда удавалось сладить.

«Просто сбросили дерьмо к другому дерьму», – подселенец ни капельки не раскаивался.

– Если тебя всё же вырубят, соображаешь, что они с тобой сделают? – Нарий брезгливо поморщился и оскалился.

«С нашим телом они ничего не сделают».

Лирка продолжала смотреть в землю, чтобы мужчины не уловили её спокойствия и не разозлились ещё больше из-за того, что она не понимала серьёзности положения. Но она понимала. Просто не могла заставить себя переживать.

– Вот гляжу на тебя, и вроде бы кажешься девкой с пониманием, без лишней гордости, – виларий укоряюще покачал головой. – А как доходит дело до всех этих дерьмоплюев, так выкобениваться начинаешь.

Тяжело вздохнув, Хабдир припомнил времена, когда они только-только притирались друг к другу и девка заслуживала место не только в отряде, но и на заставе в целом. Тогда желающих прижать её в переулке было куда больше. Самых отчаянных, явно бежавших на границу от закона, потом тихо зарыли за стенами заставы. Их никто особо и не искал. Народ здесь дрянной, вспыльчивый. Может, и пырнул кто, а может, и сам в реке по пьяни утонул.

Но вот с магами так не проходило. Тут даже за самого поганого знахаря цеплялись. Хорошие маги редко желали нести службу на приграничье с Хоётором, и хаварий ценил каждого. Любая пропажа или смерть вне боя за стенами заставы тщательно расследовалась. Виновники прилюдно наказывались. Лирку вон тоже статус мага охранял почище порчи.

Только идиотов, которые считают себя умнее других, ничего не останавливало. А Дориний считал себя очень умным.

Виларий прервался, когда к ним подбежал тощий и юркий Мхян. Двадцатилетний парнишка примкнул к отряду два года назад и до сих пор ходил живым, хотя Хабдир долго ворчал, что эта сӳхлядь сдохнет в первом же бою. Бледный и веснушчатый Мхян с озорными серыми глазами очень быстро из лучника – а пришёл он к ним лучником – стал посыльным. За быстрые ноги и умение хорониться так, что его даже всевидящее жрало не чуяло, парня называли Тенью[4]. Тот очень гордился прозвищем.

– А Тюп со своими в какую часть Леса ушли? – Мхян пригладил тонкие светло-русые волосы, разлетающиеся пухом на ветру.

– В восточную, – поморщился Хабдир.

– Тогда мы с ночёвкой, – паренёк беспечно улыбнулся. – Картошечки нажарим…

– Ага, и трупов, – пророчески пробурчал виларий.

Энтузиазма Мхяна от предстоящей «прогулки» это ничуть не умерило.

Через четверть часа подтянулись оставшиеся шесть членов отряда. Последним прибежал рыжий Ёрих. Могучий оборотень закричал приветствие, ещё будучи на другой стороне двора:

– Здорово! Лирк, тебе свезло, что ты не дома ночуешь. Хоть с нами пожрёшь. Заскочил к тебе, а меня накормили. Готовьтесь, по дороге где-нибудь в кустах присяду.

Отряд разразился хохотом, Нарий неприязненно поморщился, а Лирка прислушалась к себе. Подселенец молчал, но тишина внутри была напряжённой.

– Если он у тебя такой заботливый, давай я с Лисàной договорюсь и подошлю его к ней.

«Да-да-да!» – взорвался внутри дух.

– Мож, – оборотень похабно ухмыльнулся, – не только готовке научит.

– Чё ж тебя не научила? – фыркнул Хабдир. – Все готовы?

Он внимательно осмотрел одетых в чёрное товарищей и первым двинулся прочь со двора.

– Безродные выступают! – донёсся насмешливый возглас, и Хабдир резко остановился.

Остановился весь отряд, и десять пар глаз устремились наверх, где на стене стоял плешивый Дориний. Судя по кислой физиономии, реакция его не устроила. Почти все смотрели на него с вялым интересом, без злости. За столько-то лет уже и не щекотно. Только Ёрих смотрел

[4] Тень – тенями в Салее называют определённую категорию воинов. Это не чин, а, можно сказать, показатель уровня мастерства. Быстрые, бесшумные, ловкие и очень умелые. Существуют целые полки теней. К примеру, Ранхаш Вотый когда-то был дареном теней.

на мага ласково-ласково, да Нарий – единственный в отряде имеющий родовое имя – побелел от ярости.

– Чё замерли? – окликнул Хабдир. – Шутов давно не видели?

Члены отряда потянулись за ним, на месте остался только злой Нарий да Ёрих замешкался.

– Эй, высокоблагородие, – насмешливо окликнул рыжий, – вас под ручку повести?

Нарий нехорошо зыркнул на насмешника и пошёл за остальными.

Уже за его спиной Ёрих без улыбки посмотрел на плешивого мага и молча, но всё равно очень красноречиво провёл пальцем по горлу.

Хоёторцы не охраняли свои границы, поэтому отряд спокойно, хоть и торопливо, стараясь не попадаться на глаза, пересёк полосу между заставой и Лесом. На военных картах хавария он так и именовался – Лес. Плотная стена из разноцветных крон и стволов – красного, оранжевого, жёлтого, зелёного, синего, голубого цветов – вырастала непреодолимой грядой высотой в два, а где-то в три десятка саженей. Таких громадных деревьев, как здесь, Лирка нигде не видела. Ничего подобного в том же Арванском городище, которое ранее было частью этих земель, не росло, хотя старожилы утверждали, что вокруг Арван-Ё высились исполины ещё более тех, которые возносились к небу в Лесу.

Но после присоединения к Салѐе они сами выродились в течение пары лет. Остались после них только сгнившие в труху стволы, в которых прежних великанов уже и не признаешь.

В Лес отряд вошёл часа за четыре до заката.

Солнечные лучи красиво пронизывали разноцветную листву, но вся эта красота была лишь наверху. Внизу же, несмотря на роскошные блики, одолевала жуть. Привычные соглядатаи не жались от страха, но сразу напряглись, а взгляды стали ещё более цепкими. Мхяна, лекаря Вѐхну и смотрящего Онта привычно затесали в середину. Говорить перестали. На окраине Леса можно было столкнуться с хоёторцами. Это не то что бы приграничная стража, скорее уж охотники, вылавливающие вражеских лазутчиков. Хоёторцам тоже порой интересно узнать, что происходит на заставе.

Осмотревшись, Лирка в который раз задалась вопросом, как же можно эти земли победить и присоединить. Даже не народы, их населяющие, а сами земли. Жадные до крови, пугающие, дикие, в которых, казалось, невозможно жить.

Но хоёторцы жили.

Взгляд невольно притянулся к огромному краснодȕбнику, чья крона терялась где-то далеко-далеко наверху. В его ствол мог спокойно поместиться небольшой домик Лирки и ещё около сажени осталось бы под садик. В складках рыже-бурой коры темнели густые потёки красной смолы, и женщина, не удержавшись, сковырнула кусочек и сунула в рот. Зубы мгновенно склеились, а по языку растёкся горьковато-сладкий вкус.

Отряд разбился попарно и начал пробираться глубже в Лес. Впереди шли Хабдир, знавший окрестности вёрст на десять так же хорошо, как саму заставу, и лучший воин отряда Лѐший. Лирка и высокий тощий лучник Сендȁр замыкали строй и поневоле слушали злобные пререкания идущих перед ними Нария и Ёриха.

– …вы сапожком-то левее, ваша светлость, ступайте, а то там, звиняюсь, сдох кто-то, – ядовито шипел Ёрих.

– За собой следи, – сквозь зубы отозвался Нарий, – а то уже вляпался.

Ёрих привычно попался и приостановился, осматривая подошву.

– Да не, не наступил.

– А смердит, будто наступил.

– Ах ты… – Ёрих замолчал, получив тычок в спину от Сендара.

От рыжего действительно немного несло перегаром.

– Завидуй меньше, – едва нашёлся с ответом мужчина.

Через пару часов Хабдир остановил отряд и подозрительно прислушался.

Шелестела листва, где-то тихо журчала вода и потрескивали ветви. Оглушало отсутствие птичьего гомона и шуршания лап. Лес был богат на живность, и та вела кипучую жизнь в любое время суток.

– Кажись, где-то жрало посадили, – заподозрил Хабдир.

Любили местные колдуны и шаманы устраивать своим недругам ловушки-сюрпризы.

– Так, может, Тюп на него и нарвался? – решил Леший.

– Он мог, – виларий пренебрежительно сплюнул. – А хаварий ему ещё мальчишку отдал. Нет бы нам. У нас бы хоть дорос до того, чтобы у такого, как Тюп, выжить. Так, Мхян, Онт и Вехна, остаётесь тут. Сендар, ты при них. Остальные по одному расходимся в разные стороны и ищем жрало. Глубже, чем на три версты, не заходим, – Хабдир строго посмотрел на Ёриха. – И, Лирк, ты того… не жри ничего, хорошо?

Женщина смущённо склонила голову набок, а мужчины сморщили лица в ухмылках. Медведица внутри недовольно заворочалась, и Лирка почувствовала, как встревожился подселенец, который ценил и уважал только её зверя.

– Я пойду первой, – тихо произнесла женщина и тут же бесшумно скрылась в зарослях.

– Как всегда, – недовольно мотнул головой Хабдир.

«Как будто мы хоть раз съели что-то по-настоящему смертоносное!»

Подселенец негодовал.

«Им самим бы два года вечно голодными быть, когда от слабости все лапы трясутся, живот крутит, а внутри ещё один подселенец жрать требует».

Игнорируя внутренний голос, Лирка не спеша продвигалась вперёд и тщательно осматривалась, выискивая следы другого отряда. Увы, но Лес очень быстро зализывал раны. Женщина осторожно переступила через ручей – опасны его воды или нет, можно было увидеть только ночью – и вышла на свободное от деревьев и кустов место.

«Давай сожрём кого-нибудь из них!» – завёл старую-старую песню дух.

Лирка настороженно замерла и прислушалась. Тихо шелестела багряная листва, треснул надломившийся от ветра сучок. Ни шагов, ни подозрительного шуршания, но она всей душой ощущала, что что-то не так. Накатывал подмораживающий ужас, оседающий предательской слабостью в коленях. Тишина всё больше угнетала, ни хлопанья вспорхнувшей птицы, ни испуганного писка мыши. На полусогнутых ногах девушка подобралась к кусту смѐртника и отвела его фиолетовые ветви.

Трупно-синие заросли смертника заградительной линией отсекали поросшую багрово-оранжевыми цветами поляну от высушенного неведомой напастью пустыря. Серая сухая щетина травы, мёртвые колкие ветви кустов и ссохшиеся, скрюченные стволы краснолѝпника. Будто бы неожиданно пропали все цвета, кроме серого и белого.

«Знакомая картина…»– прошелестело в голове.

Глаза зацепились за единственное пятно цвета, спрятанное под склонёнными сухими ветвями. Прозрачное зелёное полотнище слегка подрагивало и пульсировало. Лирка облизнула пересохшие губы, невольно отступая.

Полотно шевельнулось. Завернулось, как занавеска на ветру, и вперило в оборотницу пустую бездну глазниц.

Лирка едва успела выставить магический щит. Жрало распласталось по нему, чуть не снеся девушку наземь. Десятки круглых жвал с жадностью вгрызлись в прозрачную материю щита, пытаясь добраться до прикрытого им свежего мяса. Жрало не вопило, но упорно чудился тонкий пронизывающий визг.

Пара секунд, Лирка только вцепилась в кинжал, как на зелёное полотнище опустилась голубая лапа, вмявшая жрало в синие кусты смертника.

– Фе, – дух брезгливо отряхнул лапу от склизких остатков плода и посмотрел на Лирку, сидевшую почти у него под брюхом.

– Я бы справилась, – неодобрительно прищурилась девушка.

– Так живее справляйся, – презрительно встопорщил усы подселенец.

Высунув башку из кустов, он осмотрелся и осклабился.

– Мы их искали?

Лирка осторожно пробралась следом и поморщилась от резко ударившей в нос трупной вони. Пустырь начал стремительно обретать краски, сбрасывая пелену серости. Первое высохшее тело девушка обнаружила прямо у кустов смертника.

– Ага, – протянула она, поднимаясь на ноги.

Ещё пять трупов были разбросаны по всему пустырю и здорово смахивали на высохшие коряги.

Чутко дёрнув ушами, подселенец оглянулся и мгновенно исчез, отступив к женщине. Лирка коротко посмотрела через плечо на вынырнувшего из кустов Хабдира.

– Жрало где? – тихо поинтересовался оборотень, шныряя по сторонам глазами.

Девушка сапогом ковырнула остатки зелёного плода, растёртого по фиолетовым ветвям.

– Молодец, – хлопнув мага по плечу, Хабдир прошёл вперёд и осмотрелся. – Большой был?

– Полсажени.

– Эх, вот и Лель, – оборотень присел на корточки рядом с высосанным телом и огорчённо прицокнул. – Говорил же, чтоб нам пацана отдали. Толк бы из него был. Эх…

Лирка тоже присела на корточки и выковыряла из зелёной мякоти чёрное ядро, формой напоминавшее сливовую косточку. Хабдир покосился на неё и беззлобно подшутил:

– Посадить хочешь?

Девушка молча сунула ядрышко в мешочек к десятку таких же чёрных косточек.

Ещё четыре высохших тела были найдены за пределами пустыря. Видимо, оборотни запаниковали и попытались сбежать. Хабдир нашёл остатки костра, походные мешки и заключил, что Тюп с отрядом расположился здесь на привал. Скорее всего, часовые проспали момент, когда к стоянке подобрался вражеский шаман, который и возложил «фрукт» на их могилу.

– Эх, медведь ты сухолапый, – виларий постоял над телом Тюпа да распорядился готовить костёр.

Мертвецов полагалось сжечь здесь же.

Пока Лирка собирала хворост, а Хабдир стаскивал тела в кучу, подтянулись и другие отправленные на поиски оборотни. Вместе они довольно быстро управились, сложили погребальный костёр прямо на усыпанной цветами поляне, а потом стояли и ждали, когда едкий огонь прогорит.

К тому моменту уже наступил поздний вечер. Лес начал расцветать разнообразными огнями, вверх потянулась дымка, а ручей, через который Лирка переступила, приобрёл отчётливый жёлтый оттенок. Хорошо, что переступила… Чем темнее становилось, тем сильнее зажигались ночные огни. Свет тёк от кустов, деревьев, воды, мерцал в испарениях, исходящих от земли. Даже ночное небо было расцвечено зелёно-синими полосами.

Когда они добрались до оставшихся членов отряда, стало совсем темно. Можно было вернуться на заставу, но Хабдир распорядился зайти поглубже в бывшие владения жрала и устраивать привал. Пока ни живность, ни сами хоёторцы не прознали об устранении жрала, место можно было назвать даже безопасным. И спокойно развести костерок: поди разбери,

что вот этот столб на фоне неба не испарение, а дым. А горелый запах тут и без них стоит, костровик как раз цвести начал.

Запах жареной картошки был более чужд Лесу, но виларий не стал останавливать Мхяна. За два года на стряпню мальчишки никто и никогда не приходил. А зря. Готовил он отменно.

«Его жрать не будем», –сытый дух иногда бывал милосерден.

Виларий отрядил себя и Нария на ночное дежурство и велел Лирке раскинуть охранную цепь. Когда она закончила, ребята уже разложили одеяла под сенью гостеприимного краснодубника и сидели-переговаривались в его тускло-красном свете.

– Вы как хотите, но при следующем же набеге я Дориния пристрелю, – мрачный Сендар окинул товарищей угрюмым взглядом. – Уже и стрелу хоёторскую для него очинил.

– Э-э-э, – Ёрих возмущённо на него посмотрел, – очерёдность блюди. Виларий первый.

– Чего баете, собачьи дети? – Хабдир сурово на них посмотрел.

– Да про милаху Дориния и право первой ночи, – отшутился рыжий.

– Вы мне это бросьте, – нахмурившийся виларий сразу понял, о чём речь.

– Ну я же говорил, – Ёрих самодовольно вскинул брови, – право первой ночи всегда за главным…

Сдавленный хохот рассеялся под кроной краснодубника. В бывших владениях жрала оборотни чувствовали себя спокойно и расслабленно. В ином месте Леса так не поболтаешь.

Лирка сидела на поваленном стволе немного поодаль. Мужчины не звали её, привыкнув, что иногда ей нужно время для самой себя. «Для женского», – как любил говорить Ёрих, самый большой болтун в отряде.

Собственно, в том, что Дориний называл их безродными, большой обиды не было. Все их так называли, у них даже своё прозвание было – Безымянные. Просто Дориний успел пройтись по кровавым мозолям почти всех в отряде. Лирка чувствовала свою вину, потому что нападал маг главным образом из-за неё.

Ну или не только из-за неё. Лирка чувствовала, что им завидуют.

Виларий рассказывал, что изначально отряд под его командованием начал формироваться двадцать лет назад, но не больно кто хотел признавать начальством безродного, не имеющего имени семьи. Ведь если нет семьи, то или тебя лишили права на родовое имя, или семья отказалась от тебя. Чаще отказывались среди бедных оборотней, чтобы лишние рты не кормить. С Лиркиным отцом было так.

А опыт Хабдир имел огроменный, ему бы самому отряды водить, и хаварий Гед опасался, что разобиженный оборотень вовсе заставу покинет. Кое-как подобрал служивых и сформировал первый отряд. От него только Хабдир да Сендар и остались. Остальные либо ушли, либо поумирали. Через десять лет в отряде уже было семь безродных: хаварий как нарочно Хабдиру их отдавал.

А девять лет назад Дориний, ходивший магом у Хабдира, перешёл в другой отряд, и на его место хаварий впихнул Лирку. О, как же виларий скандалил! Весь отряд был посмешищем заставы три месяца.

Потом смешки стихли и потёк яд.

Дела у отряда вилария Хабдира выправились, успешных вылазок стало больше, соответственно, и плата за службу выше. Как какой приезд высшего начальства, и хаварий Гед Безымянных вперёд других разведотрядов выставляет.

– Среди имеющихся бандитов самые приличные, – без обиняков высказывался начальник заставы.

Да и за последние девять лет они в бою теряли товарища один раз! И не сказать, что у них были лучшие из лучших. Нет, на приграничье имелся небольшой выбор. Лирка среди служащих на заставе магов была едва ли не лучшей, хотя ту же школу магов не закончила. Вышла

замуж и не доучилась год. Но сил было много, желания учиться дальше – тоже. Единственным существенным недостатком в глазах окружающих было то, что она женщина.

И всё же до звания лучшей Лирке было далеко. Как и любому в отряде, за исключением разве вилария Хабдира, который действительно умел руководить разношёрстной компанией так, что она становилась единым целым, да и выискивать у подчинённых таланты, которые они ранее не проявляли.

Каждый отряд должен быть укомплектован помимо вилария боевым магом, двумя опытными воинами, соглядатаем, вредителем, лучником, лекарем, смотрящим и посыльным. При однообразии выбора – тати и мошенники всех мастей – набрать удавалось только вредителей, и ладно бы они ещё врагу докучали. К каждому новому члену отряда виларий долго присматривался, прежде чем окончательно определить его роль в отряде. Конечно, обязательны были навыки воина и хоть какие-то склонности к скрытности.

Лучшими военными навыками обладали виларий, Леший, Исѐшка, Нарий и Ёрих. Леший и Исешка были не очень искусны в соглядатайском мастерстве, поэтому роль воинов была отдана им. А вот вечно скалящиеся друг на друга Нарий и Ёрих действовали в паре как соглядатаи и вредители. Их даже запомнили на хоёторской стороне!

«Тебя теперь тоже запомнят», – хмыкнул подселенец.

Самым старым среди них был Онт. Уже седой, морщинистый оборотень пока ещё был крепок телом и не потерял остроту зрения и слуха, которые так необходимы смотрящим. Должность не самая важная, во многих отрядах её вовсе нет. Когда-то кто-то из умных начальников, бывавших на границе наездом, решил, что земли Хоётора надо изучать и отправлять с воинами смекалистых оборотней, способных подметить важное и нужное. Хаварий Гед часто вспоминал «мудрые» слова в нелестных выражениях. Господина Онта он отрядил смотрящим лишь потому, что оборотень служил на заставе с самого её основания и вышел в возраст, когда оружие держать уже тяжело. Служил он хорошо, вот хаварий и воспользовался возможностью оставить его при заработке.

Лекарь Вехна – могучий оборотень с лысой головой и покрытыми оспинами лицом – был почти одного возраста с виларием Хабдиром и приехал вообще-то на заставу как знахарь, травками да порошками торговать. Нужда заставила пойти в военные. Лекарь из него был такой себе, но хороших лекарей из заставы в принципе не выпускали: этих даже меньше, чем магов. Но Вехна был отменно могуч и мог дотащить раненого до крепости, где о нём позаботится уже более толковый врачеватель. Или вступить в схватку и прибавить работы вражеским знахарям.

Самым младшим – дитя отряда – был Мхян, занявший место погибшего лучника. Виларий довольно быстро оценил потенциал мальчишки и перевёл того на посыльные. Тогда это место занимал Сендар, но он так же хорошо владел луком и неплохо дрался. Мхян же только хорошо владел луком. Несмотря на юный возраст, мальчишка обладал завидным бесстрашием. Даже при первом посещении Леса он больше восторженно лупил глаза, чем сжимался от страха. После того, как он освоился и изучил местность, Хабдир уже безбоязненно отправлял его с посланиями на заставу. Не было случая, чтобы паренёк заблудился на дороге туда или обратно. Один раз его подстерегли заставники из завистников, но мальчишка жрало обводит вокруг носа – или что там у него есть, – чего уж там каким-то шелудивым! Но виларию он пожаловался. Точнее, похвастался, что его как взрослого в подворотне подстерегали. А он такой молодец!

Больше они тех оборотней не видели. А Нарий за упокой их душ даже напился с Ёрихом, и у Хабдира был неприятнейший разговор с хаварием.

Сильнее всего в их отряде выделялся Нарий. Ну, после Лирки. Одного взгляда хватало, чтобы определить его высокое положение, родовитость и неуместное здесь воспитание. К товарищам он относился первое время отчуждённо, хоть и ровно. Потом притёрся. Но вот с Ёрихом

они так и продолжали цапаться. Уж слишком разными были. Рыжий оборотень представлял собой полную противоположность Нария, чем, похоже, и раздражал.

Какое-то время назад виларий пытался свести Нария с Лиркой. Но ничего из этой затеи не вышло. Лирка продолжала хранить верность умершему мужу. Нарий не говорил, но чудилось, что он тоже кому-то держит верность.

Женщина перевела взгляд на потускневшее серебро брачного браслета и отёрла рукавом грязь.

– Вспоминаешь? – возвращающийся от кустов господин Онт присел рядышком и кивнул на браслет.

Воспоминание действительно проскользнуло перед глазами.

Серая подушка. Длинные белоснежные волосы, опускающиеся почти до самого пола.

Лирка кивнула.

– Пора бы уже отпустить.

Подселенец недовольно заворчал, но раздалось потрясённое аханье Мхяна. Лирка вскинула голову, а потом и вовсе вскочила на ноги, смотря на небо с изумлением и страхом.

К этому невозможно привыкнуть.

Среди зелёных и синих всполохов появились жёлтые разводы. Небо задрожало, а затем плеснулось огромной волной и растеклось по Лесу. На гребне захлопал парусами сине-зелёный корабль, нырнувший куда-то в кущи. Волны продолжали набегать и беззвучно плескаться. Наверное, так должно выглядеть море.

– Как это… как это… – Мхян безостановочно шептал и не моргая смотрел на игру цвета.

Над кронами деревьев медленно вскинулась-выпрямилась сине-зелёная фигура. Она не имела рук и ног и просто тянулась округлой головой к небу. Вниз балахоном опускалось туловище, испещрённое загадочными узорами. Лирка столкнулась взглядом с круглыми голубыми глазами, и в какой-то миг ей почудилось, что неведомое существо тоже смотрит на неё. Тяжело развернувшись, фигура поползла прочь, постепенно размываясь и размазываясь по небу цветными всполохами.

Всё-таки Дикий Хоётор завораживал.

Состав отряда «Безымянных»:

Хабдир – виларий
Лирка – боевой маг
Нарий Шолый – соглядатай, вредитель
Ёрих – соглядатай, вредитель
Леший – лучший воин
Исешка – воин
Сендар – лучник, посыльный
Вехна – лекарь
Онт – смотрящий
Мхян – посыльный, лучник

Глава 3. Господин города

– Да ты меня ишо за бороду потягай для веры! – плюгавый оборотень с залысиной, обрамлённой поседевшими кудрями, запальчиво вытянул лицо подбородком вперёд.

– Но-но-но! – хозяин таверны «Дремучий Жаанѝдый», высоченный могучий оборотень с гривой чёрных волос, вытянул между спорщиками мускулистую руку. – Без мордощупанья! Иначе обоих в бочках выкачу.

Таверна в эту ночь едва ли не горела от жарких споров. Раз в два года, по устоявшемуся за последние одиннадцать лет обычаю, здесь собирались выборные смотрители хозяйства города. С раннего вечера и до позднего утра двери были открыты только для участников собрания, саму таверну плотным кольцом окружала личная охрана хàйнеса[5], а выпивка закрывалась в погребе до окончания обсуждений.

– У тебя зараз сквер без оковы, – продолжал возмущаться плюгавый, – а ты мне про щербину сказываешь?!

– Ограда – роскошь! – его оппонент, крепкий оборотень с коротким ёжиком седых волос, грохнул кулаком по столу. Кружки с нетронутым травяным отваром подпрыгнули и возмущённо расплескались. – А трещина по стене – бесхозность!

– Да ты обзываться… – вид у плюгавого стал совсем исступлённый.

Хозяин таверны – он же распорядитель собрания – торопливо хлопнул его по плечу.

– Тòбий, чего ты к сердцу принимаешь? Мы же тут собрались до общего дела. Кто как не товарищ усмотрит да укажет на просмотренное?

– Да ежели он указывает?! Носом тычет!

На другом конце стола тоже разгорался жаркий спор. Друг на друга рычали почтенные оборотни – оба хозяева из ремесленной части города.

– Ты на канал ещё у позапозапрошлом году деньгу требовал! – обличающе тыкал толстым пальцем рыжий мужчина в тощего обозлённого собеседника. – И теперя требовать хочешь. Деньгу куда дел?

– Ты своим растратам смотр веди, а моё считать не моги! – бесился обвиняемый.

– Эзый, но ты-то хоть! – хозяин таверны укоряюще посмотрел на рыжего, а затем перевёл взгляд на мужчину, сидящего во главе стола и не принимающего участия в обсуждениях. – Сильнейший?

– Пусть ещё четверть часа потолкуют, и дальше пойдём, – тихо отозвался тот.

Он продолжал пристально осматривать оживлённых оборотней, прислушиваясь к их словам. Если в начале собрания мужчины ещё как-то старались сохранять достоинство, чтобы не позориться перед хайнесом склоками, то сейчас они позабыли о присутствии сиятельной особы. Которая наслаждалась видом: всё же совещания во дворце проходили куда более скучным порядком.

А его ещё пытались отговорить от этой затеи! Неужто забот мало, чтобы ещё с простыми жителями собираться в какой-то таверне и решать вопросы, которые полагалось решать гавàрию[6]города?

– Мы с соседями, которые по другую сторону границ живут, раз в пять-десять лет встречаемся. А с этими бок о бок живём, стенка в стенку дышим, а видеться вовсе не видимся, – Узээрѝш щурил жёлтые глаза. – Чужого лучше своего знаем.

---

[5] Хàйнес (женский титул хайнѐси) – титул правителя Салеи. Является наследуемым. Правители Салеи оборотни-снежные совы.

[6] Гавàрий – мэр, губернатор города.

Начало только было положено не доброй волей, а принуждённым сходом одиннадцать лет назад во время всколыхнувшего весь Жаанидый мятежа. Тогда в этой же таверне новоявленный хайнес сидел с представителями жителей столицы и вёл беседы. Ответчиком был он и требовали с него.

Следующее собрание случилось на второй год после мятежа. Узээриш хотел узнать у представителей столичного народа, довольны ли они работой по устранению последствий восстания. Тогда же на пьяную голову возникла идея разделить город на части, отрядить для каждой хозяина, который и будет на общем сходе докладывать о нуждах и держать ответ за вверенное хозяйство. Ну и запрет на распитие вина в то же время появился.

Город разбили на двенадцать частей, народным собранием для каждой из них выбрали хозяина. И вот уже четвёртый раз сходились, чтобы обсудить проблемы хозяйственной стороны. Хоть гаварий города и советники пророчили, что это только внесёт беспорядок в управление столицей, пока подобное распределение давало хорошие плоды. Жители стали более ответственно относиться к тому, что их окружает. Даже ревностно, чтобы было не хуже, чем у других.

Сложности только обстояли с хозяевами трущобных и, как ни странно, престижных районов, где проживала знать. Хозяева последних мало участвовали в обсуждениях, снисходительно-высокомерно посматривали на остальных и ничего не говорили о собственных проблемах: всё-таки местная знать могла отремонтировать мостовую и без посторонней помощи. Хайнес после каждого собрания снимал их с должностей за безынициативность. Но в этот раз смел надеяться, что один из выбранных заново хозяев его устроит: представитель от восточного престижного района едва сдерживал глумливую ухмылку, с большим удовольствием сообщая о результатах выборов.

Хозяином, точнее, хозяйкой выбрали хорошо знакомую Узээришу женщину – домоправительницу Ранхàша Вòтого. С дородной госпожой Пандàр, ничуть не уступающей высоченному хайнесу в росте и сильно превосходящей его в комплекции, он успел нажить не самые щадящие самолюбие воспоминания. Сейчас оборотница сидела по правую руку от него, и из-за выдающейся бастионом груди её ближайших соседей совсем не было видно. Пока она молчала и покуривала трубку, зажимая длинный мундштук ярко-алыми губами. Помада слегка размазалась, когда госпожа поздоровалась принятым на северо-востоке Салеи способом с одним из двух знакомых ей оборотней: крепко-крепко поцеловала помощника хайнеса прямо в губы. Дважды. Второй раз с наказом передать приветствие Сильнейшему, который приветствиям противился.

А вот с хозяевами трущобных районов было совсем плохо. Народ бедный, вороватый. Найти честного хозяина – задача непростая. Сворują деньги, и ищи их потом. Так что выбирали того, кто хорошо знал город, а ему в компанию давали хозяина соседней, более зажиточной территории. Он-то и распоряжался деньгами. Оттого между двумя хозяевами царили постоянные склоки. За бороды бы себя потягали, если бы по зародившемуся здесь же обычаю бороды не брили.

По истечении уговоренных пятнадцати минут распорядитель рявкнул:

– Ти-и-и-ха-а-а-а!!!

Мгновенно наступила тишина, и разгорячённые взоры всех обратились во главу стола. На хайнеса. Кое-кто, из робких, тут же потупил взгляд. Не все могли привыкнуть, что раз в два года сам хайнес делит с ними стол и ведёт беседы на равных. Ладони тряслись, голос запинался, а взгляд норовился зацепиться за что угодно, но только не за пугающе белое лицо Сильнейшего, на котором золотом сияли пронзительные жёлтые глаза.

Хайнес сидел к собравшимся полубоком, забросив ноги на табурет, и единственный из всех присутствующих неспешно потягивал из стакана золотистое вино. За его спиной на скамейке расположился господин Сàврий, помощник Сильнейшего. Оборотень среднего роста,

с короткими светлыми волосами и кротким, равнодушно-холодным лицом. Больше всего он походил на изображение праведника, таким их малевали на храмовых стенах. И обязательно, чтобы оттенить добродетель, сбоку либо спереди рисовали искусителя.

И хайнес здорово смахивал на искусителя своей уже больно отличной от окружающих внешностью. Неестественно белокожий, с синью расползающимися по шее венами, с едва достающими до плеч волосами, сияющими снежной белизной. Даже брови и ресницы были словно инеем покрыты. Глаза – единственное яркое пятно – пугающе горели нездоровым энтузиазмом.

– Ну что, горемыки, – ноздри прямого носа хищно шевельнулись. Хайнес вмиг стал похож на стремительную и очень голодную птицу. – Тобий, ну со стеной непорядок. Тебе деньги выделяют не для того, чтобы на них сидеть.

Уши плюгавого порозовели.

– Пока что есть не истратишь, других денег не получишь.

Тобий нехорошо насупился, но оспаривать не стал. Воровством общих денег он не занимался. Но скупердяем был сверх меры! На него уже свои жаловались. Смещать не хотят, всё ж заслуги у него имеются, да и не преступление какое совершает. Но дошло до того, что он скупился яму на дороге под своими окнами засыпать, пока сам хайнес ночью в стекло не постучал и проникновенно не пообещал утрамбовать его самого в эту яму. А на следующий день ещё и счёт за сломанную ось кареты выслал.

– Господин-господин, – зачастил хозяин ремесленной части, споривший с рыжим Эзыем, – канал нам позарезу нужен!

– Тебе этот канал ещё два года назад был нужен, – жёлтые глаза прищурились. – Деньги выделили – канала нет.

– Так нужда другая…

– На другую нужду ты у гавария стребовал. Или думаешь, я далеко сижу и ничего не вижу? Или память у меня дырявая?

Из-за спины хайнеса вскинул холодный взгляд господин Саврий, безмолвно говоря, что он-то всё помнит и всё записывает.

– Пока деньги не найдёшь, от должности отстраняешься, – вынес решение хайнес. – А если не найдёшь, то искать будут уже мои оборотни и отместка тебя будет ждать по закону.

Оборотень побелел, а рыжий Эзый уставился на него с мстительным прищуром.

Но хайнес добрался и до него.

– Ты на что деньги пустил, которую на мостовую дали, а?

– Так как же… – растерялся оборотень. – На мостовую. Вона наши ребята её и клали.

– Которую через полгода паводком смыло? – ехидно изогнул белые брови Узээриш.

– Как поклали, так и смыло, – хехекнул кто-то.

– Так непогода ж, – пытался оправдаться рыжий. – Ребята-то всю душу вложили. Руки у них золотые…

– Ну так руками бы и клали, – один из трущобных хозяев насмешливо хохотнул.

– Ты вместо того, чтобы деньги своим отдавать, хороших мастеров поискал бы, – холодно отозвался хайнес. – Ремонт за ваш счёт, деньги не дам и гаварию запретил. Тишкàн, – Риш повернулся к хозяину таверны, – налей-ка ещё.

Тот наполнил стакан хайнеса, и Риш продолжил:

– Вам деньги дают на добротное хозяйствование, а не чтобы вы всех родственников подкармливали. Вон, спросите у госпожи Пандар, кто ей работу делал. Как мостовую перед домом положили, так ей и сносу нет уже пять лет.

– А кто делал-то? – полюбопытничал Тобий. – И дорого ли?

Госпожа Пандар вытянула трубку изо рта, и сизый дым заклубился над высокой причёской из чёрных волос.

– Госпожа, – тяжело обронила оборотница. И ещё более весомо добавила: – Бесплатно.

– Боги! – Узээриш встрепенулся в наигранном ужасе. – Надеюсь, мостила не врагами?

– У нас есть деньги на камень, – снисходительно обронила домоправительница.

– Уважаемая госпожа Пандар, а вы сегодня ещё не осчастливили нас своими требованиями.

– Так я, – оборотница запустила руку в глубокое декольте и изъяла тщательно скрученный список, – люблю, когда меня слушают, а не галдят на уши.

Верёвочка распустилась, и конец свитка упал на бёдра женщины.

– А вы с нами надолго, – оценил Узээриш.

Сидеть до самого утра в таверне Риш не стал. Дел действительно было много. Нужно было успеть вернуться во дворец, переодеться и подготовиться к собранию с консѐрами[7] Салеи.

– А неплохая ночь вышла, – удовлетворённо протянул Риш.

Саврий молча кивнул, продолжая в сиянии светляка заносить какие-то записи.

За что Риш любил собрания с хозяевами города, так это за слухи и сплетни, которыми те начинали обмениваться, уже слегка запьянев. Ну и столь тесное общение с простыми подданными сильнее располагало к нему народ. Он мог прийти в тот же «Дремучий Жаанидый», и хозяин по-свойски поделится с ним новостями: как-никак не чужой. Можно даже не опасаться, что сказанное уплывёт в сторону того, про кого сплетни ходят. Хайнес языком как помелом не мелет.

– Эй, Сильнейший, – Тишкан склонился к уху Риша, – отойдём на пару мгновений.

Узээриш заинтересованно посмотрел на него и, поднявшись, отошёл к стойке.

С тех пор, как в таверне впервые прошла встреча молодого хайнеса с народом, дела Тишкана процветали. Заведение его обрело вид благородный и преуспевающий. Народ сюда ходил степенный. Всяких пощелы̀г отпугивал охранный знак хайнеса, намалёванный на вывеске. Сам оборотень тоже слегка переменился. Интереса больше к делам страны проявлять стал. Оттого и подмечал ранее скучные беседы захаживающих сюда оборотней.

– Про город этот Арванский слышал.

Риш сделал вид, что ему неинтересно. Присутствующие ещё не так сильно напились, чтобы растерять любопытство.

– Четыре дня назад обедали здесь Жиш и Есѐный… ну, с ремесленного участка, – Тишкан сообразил, что имена хайнесу ничего не скажут. – Есеный жаловался на сына. Из семьи тот утёк. В разлад ушёл. Как на службу к Ры̀шныям поступил, так интересоваться делами государственными стал. И это вместо того, чтоб девок щупать! В его-то возрасте… С отцом поругался, когда доказывал, что отдавать Арванский город нужно. Пока не поступил к Рышныям, он и про город этот ничего не знал. Про Хоётор-то краем уха слышал. Наверняка набрался идей у хозяев.

– Хорошие новости ты принёс.

С Арванским городищем в последнее время стало совсем сложно. Среди знати ходили неясные брожения. Риш бы сказал, противоестественные. Нормальным требование отказаться от плодородных земель не назовёшь. И причины всё какие-то мутные. Среди корреспонденции стали попадаться письма с угрозами. Часть из них Риш в глаза не видел, но, смотря на обожжённые рукава Саврия, в их существование верил.

Похоже, ему стоит запланировать поездку на Харинскую заставу.

---

[7] Консѐр (женский титул консѐри) – один из титулов Салеи. Почти то же самое, что и герцог. По функциональным особенностям можно поставить в один ряд с князем. Выше консера только хайнес (консер Вотый, консер Вайон, консер Ашихый). По сути консер – помощник хайнеса, и под его руководством и владением находятся несколько регионов страны.

Арван-Ё был присоединён в ходе многомесячных кровопролитных сражений сорок девять лет назад. Узээриш сам тогда, будучи дарѐном[8], сражался с хоёторцами. Кочевники бились с таким остервенением, будто их опаивали чем перед боем. Стольких ужасов, сколько им встретилось в новых землях, Узээриш потом нигде не встречал. Возможно, они бы и не сунулись никогда на территорию Дикого Хоётора, но набеги кочевых народов превратили приграничье в полосу смерти. Теснимые друг другом разные народности Хоётора жаждали новых земель. В их крови бурлила вечная жажда боя. Они дрались с сами с собой, воевали с Салеей, пытались проникнуть во Многоименные земли. Если смотреть исторические хроники, то казалось, будто Дикий Хоётор находится в постоянной войне со всем миром.

Новые границы пришлось отстаивать ещё два года. Потом пыл хоёторцев утих и набеги постепенно скатились до прежней частоты. Сам Узээриш почти постоянно был со своим полком. Отстраивали Харинскую заставу, он следил за строительством, ходил с разведывательными отрядами изучать территорию врага.

Но ни разу не посетил Арванское городище.

Сперва было не до него. Хоёторцы не давали продыху.

В Арван-Ё отправили специальный отряд, который должен был изучить город и оценить его значение для завоевателя. Двенадцать молодых оборотней – все как назло наследники видных семейств – занимались расчисткой храма. Или чего-то на него похожего. В течение года все умерли при жутких обстоятельства. Первые два ещё при исследовании городища. Одного нашли под двадцатисаженной стеной, второго – ужасно растерзанного – в канале. Тогда их смертям не придали значения. Оступился и свалился, печально, но надо быть осторожнее. Второго могли растерзать хоёторские хищники, на тот момент ещё не покинувшие Арван-Ё.

В течение следующего месяца погибли ещё четверо. Пятеро закончили жизнь на пути в Жаанидый. Один продержался полгода, добрался до дома, и в одно утро отец нашёл его в главном зале с размозжённой головой.

Узээришу путь в Арван-Ё стал закрыт после смерти первых шести оборотней. Гибель их была необъяснима. Те, кто отправлялся в Арван-Ё после них, ничего не находили. А через некоторое время опять уходили в городище и бесследно исчезали. Наследник престола мог рисковать собой в бою, но выступать против неведомой опасности, от которой неясно как защититься, не мог. Любопытство до сих пор его терзало.

Отец того двенадцатого парня, который смог добраться до дома, оказался так подавлен своим горем, что вбил не только себе, но и другим потерявшим сыновей семьям, что от Арван-Ё нужно избавиться. Даже состряпали заговор, правда, столь безыскусный, что их быстро раскрыли.

Но идея о том, Арван-Ё не место в Салее, продолжила жить.

Узээриш понимал почему. Подозревал происки Дикого Хоётора, который направил на территорию врага своих лазутчиков. И они занимаются распусканием слухов.

Возвращать завоеванные такой ценой земли Узээриш не собирался. Он в тех боях половину полка оставил. Погребальные костры сутками горели, пожирая тела убитых. Не вёлся на угрозы ни тогда, смотря врагу прямо в глаза, и сейчас тоже не собирался.

Хотя письма с угрозами от противников присоединения Арван-Ё в последний год участились. И во всех них чувствовалась какая-то истеричность. Словно что-то должно произойти, словно приближается время для чего-то, а Арван-Ё всё ещё в руках Салеи.

– Нам нужен маг, – не отрываясь от письма, произнёс Саврий.

– М-м-м… – Риш посмотрел на него устало. Разговор затевался не в первый раз. – У нас есть маг.

– Вряд ли господин Ёрдѐл снизойдёт до проверки вашей корреспонденции.

---

[8] Дарѐн – командир тысячи. Это воинская должность.

– Господин Ёрдел вряд ли вообще снизойдёт до проверки чего-либо, – язвительно отозвался хайнес.

Хорошо иметь в главных магах хаги, который мог взмахом руки город разнести. Плохо, что у него есть красноречивое прозвище Маг-которого-никогда-нет. Но Риш не мог переступить через себя, довериться и принять на службу ещё одного мага. После событий одиннадцатилетней давности у него развилась стойкая неприязнь.

– Может, кого-то из друзей Майя̀ри? – всё же начал размышлять хайнес. – Опыта у них мало, но на проверку корреспонденции хватит.

– Какая часть дворца вам не нравится? – деловито уточнил Саврий.

Узээриш застонал.

– Насколько мне известно, никого из них в городе сейчас нет. Господин Лиро̀й служит в Санарѝше, саму госпожу Майяри не рассматриваем. У господина Мадѝша и госпожи Лилѐи практика в Ирѐйских горах. А господин Эдар как раз на Харинской заставе.

С задумчивым видом загнув пальцы на левой руке, Риш нахмурился.

– Не сходится. Где ещё один? Эта… как её… боевая подруга госпожи Майяри.

– Госпожа Лирка? – лицо Саврия благостно просветлело. Любил он вспоминать встречи этой обаятельной девушки с тогда ещё хайрѐном[9]Узээришем. – О ней господин Вика̀н не упоминал. Я только знаю, что она уже очень давно уехала из Жаанидыя.

– Вот она бы подошла. Самая спокойная из этой шестёрки.

– Господин, они же как тараканы. Там, где заведётся один, появятся и остальные пять. Рассмотрите другие кандидатуры. Попросите потом консера Хеша проверить выбранного мага. А пока корреспонденцию вам придётся смотреть самому.

Саврий перевёл взгляд на стоящий около двери столик, где как раз лежали стопки непроверенных писем. Он бы их и сам посмотрел, но хайнес запретил.

– Ты вообще понимаешь, как сложно найти хорошего помощника? Если мне опять придётся работать с Вреем, я его убью. Подло отравлю!

Поднявшись, Риш прошёл к столику и начал перебирать прямоугольники конвертов, прислушиваясь к шёпоту дара. Он задавал себе один вопрос: будет ли хорошо, если вскрыть письмо ножом для бумаги?

– Хорошо… неплохо… тоже неплохо… О, письмо от госпожи Азѐлии… А нет, от её отца. Хорошо, хорошо, хорошо…

Саврий вскинул голову, когда молчание затянулось. Хайнес, сведя брови к переносице, смотрел на конверт из плотной серой бумаги.

– От кого?

– Якобы от Шѐреха Вотого.

– Он вчера здесь был.

– Угу, – Узээриш придирчиво осматривал письмо.

На прежний вопрос дар прошептал, что вскрывать ножом – не самая хорошая идея. Обычно Риш перебирал в голове различные варианты, как ещё можно добиться цели, пока не находил нужный.

Что там? Заклятие? Болезнь? А если вскрыть не ножом, а сломать печать и осторожно отодрать угол? Немного лучше. А если встать у открытого окна и вытянуть руку? Вполне можно. Наверное, письмо должно вспыхнуть, но если выбросить его в окно, то ущерба много не будет.

Узээриш решительно сломал печать, рванул угол вверх, и в тот же миг в сторону его стола с грохотом рванула горячая волна. Хайнеса пихнуло к окну, и он едва не выпал. Бумаги

[9] Хайрѐн (хайрѐни) – титул детей хайнеса. Даётся только детям хайнеса. Остальные родственники до пятого колена почтительно величаются рисами – «потомками сильнейшего».

вспыхнули, Саврия снесло вместо со стулом к стене, крепко о неё приложило, и охнувший оборотень безжизненно распростёрся на полу.

– Тёмные! Саврий! – Риш бросился к нему, взвалил на плечо и, в два прыжка добравшись до окна, спрыгнул вниз.

Сдавленно охнул, когда левое колено слегка подвело, и поспешил отступить от здания на пару шагов. Уложив Саврия на траву и убедившись, что помощник дышит, Риш разогнулся и посмотрел наверх.

В распахнутом окне третьего этажа плясала зарница пламени.

– Хабрѐни! – выругался на злоумышленников хайнес. – Там столько документов, схемы, планы… – выдохнув почти со свистом, мужчина растёр лицо руками и слегка виновато посмотрел на распростёртого Саврия. – Ну ладно. Маг нам действительно нужен.

Глава 4. Матери

Тихий заунывный напев тянулся откуда-то с северной окраины кочевого поселения, раскинувшегося вокруг каменной громады святилища. А-арà с трепетом смотрела на Дом Духов и пыталась представить, каким же был Арван-Ё, если про него говорили, будто он занимал столько места, что на его территории можно было разбить два озера Ссараса-И. Вместо восторга грудь теснил страх. Чтобы измерить самую длинную сторону подошвы святилища, ей требовалось более трёхсот шагов, а на короткую – около двух сотен. Вершина же Дома Духов терялась высоко-высоко среди рыже-красной листвы исполинских краснодубников. Святилище походило на скальный зуб тёмно-коричневого, с красными прожилками цвета. Сами стены его походили на уступы, по которым в хаотичном порядке до самого пика расползалась кровля чёрной крыши. В толще камня были выбиты проёмы окон и дверей, но они были лишь намечены как узор и не проникали внутрь.

Но А-ара всё равно казалось, что через каменные пластины окон на кочевое поселение кто-то смотрит, и она пугливо жалась к кустам.

Полчаса назад в единственных настоящих дверях Дома Духов скрылись шаманы и жрец. Ночью приехал кто-то от сидящего на одной земле народа нота-сà. Их огромное богатое городище располагалось севернее нынешней стоянки хуани-сà. Обелённый годами почтенный Итрò-х показался А-ара очень взволнованным. Да простят духи её злословие, но она усмотрела в его глазах не приличествующий мужчине страх.

Из-за расшитого треугольными орнаментами полога высунулась увитая чёрными косами голова И-тонà – старшей жены-матери, – и А-ара поспешила присесть за кусты и согнуться, насколько это позволял большой живот. Ребёнок недовольно пнулся, и женщина успокаивающе погладила место, где ненадолго обрисовалась крошечная ступня. Старшая жена-мать острым взором обвела окрестности и, что-то непонятно проворчав, опять скрылась внутри.

Неловко шлёпнувшись на задницу, женщина сцепила зубы, пережидая волну боли, от которой каменел живот.

– Сын, это будет сын… – лицо А-ара исказила ломаная неуверенная улыбка.

Ужасно хотелось, чтобы родился сын. Красивый здоровый ребёнок, которого бы она могла взять на руки. Нечего бояться, у неё родится сын. Сильный медвежонок, который в будущем обязательно станет шаманом. Он будет гордостью отца и… и будет жить.

Страх всё равно сковал грудь, и А-ара всхлипнула.

У Хо-ёта-сì рождались только сыновья. Самый могучий шаман народа хуана-са, щедро одарённый духами и самой природой. Мужчина из мужчин, отец воинов, муж многих женщин… В будущем его наверняка ждала судьба жреца, ведь удача всегда была на его стороне.

У Хо-ёта-си всегда рождались только сыновья.

Или мёртвые сыновья.

А-ара сперва не придала этому значения. Из родного поселения в свой шатёр Хо-ёта-си забрал её десять волчаков[10]назад, посчитав, что женщина из древнего рода Арван принесёт ему ещё большую удачу. А-ара повезло: она понесла с первой же ночи и, едва оказавшись в мужнем шатре, попала на особое положение, в которое может попасть только беременная женщина. Старшая жена-мать не могла поднять на неё руку, другие старшие тоже только и могли ограничиваться недовольными взглядами. Муж счёл, что требовать сейчас с неё более нечего, и обратил взор на других жён.

Ей очень повезло. Разве может при такой удаче не родиться сын?

---

[10] Цикл волчьего месяца 27 дней. Срок вынашивания ребёнка 9 месяцев (270 дней). По волчаку 10 циклов.

Если родится сын, то положение её станет более прочным. Она станет не просто женой, а женой-матерью. Возможно, муж сочтёт её долг полностью выполненным и вся её оставшаяся жизнь будет отдана сыну.

Когда среди жён впервые поднялся разговор о мёртвых сыновьях, А-ара уже ощущала шевеление ребёнка. Она ничуть не испугалась. Чувствуя активную жизнь внутри, женщина верила, что носит здорового и живого малыша.

Верила, пока не услышала, как часто у Хо-ёта-си рождались *мёртвые сыновья.*

Она пыталась успокоить себя. Некоторым женщинам тяжело выносить здоровое дитя. Но восемь из десяти жён Хо-ёта-си рождали *мёртвых сыновей.* Злая желчная То-ний приносила мёртвых трижды, пока не родила здорового сына. Старшая жена-мать после первенца больше не смогла разрешиться живым младенцем, и муж перестал на неё смотреть.

А-ара слышала, как муж в разговоре с жрецом сказал, что духи милуют его и не позволяют слабым сыновьям жить. А по поселению ходил слух, что это не духи, а Хо-ёта-си не позволял им жить. Не зря же он сам марал руки и присутствовал при рождении всех детей.

Другие жёны не подтверждали и не опровергали сплетни. Молчали. Только один раз злюка То-нии припомнила красивую белокосую жену Хо-ёта-си, которая так и не смогла одарить его живым сыном. Он уступил её воину *ри*из народа рона-сà, и та в скором времени всё же родила здорового малыша.

Дочь.

Говорили, что новоявленный отец праздновал её рождение. А Хо-ёта-си презрительно цедил, что тот просто пытается радостью и весельем скрыть неудачу.

– Вот ты где! – над кустом склонилась, уперев руки в бока, старшая жена-мать. – Тебе было сказано не уходить. Не сегодня-завтра родишь. Вставай и иди в шатёр.

А-ара затравленно посмотрела на неё и, не выдержав, всхлипнула. Лицо И-тона неуловимо смягчилось. Она была старше девочки лет на двести и вполне могла быть ей матерью. Очерствевшее, казалось, сердце болезненно сжималось при каждом взгляде на свежее нежное лицо. Сейчас сильно беременная и очень уязвимая девочка бередила особенно болезненные раны. Сидела на земле, на примятых лопухах зелёно-жёлтого лошàка, в окружении широкого расшитого тёмно-коричневого подола и в невольном защищающем жесте прикрывала пышными рукавами большой живот. Розовые губы дрожали, а в зелёных глазах блестели слёзы. Пока её взор – ясный и чистый, тонкие чёрные косы перетекают бликами в скудном сиянии как змеиные шкурки. Пройдёт совсем немного времени, и губы истончатся, глаза застит мутная усталость, а косы прошьют серые нити седины.

– Плакать удумала? – старшая напустила в голос строгости. – Утрись и вставай. Тебе скоро сына рожать, не ослабляй его слезами.

А-ара утёрла слёзы и, сцепив зубы, удерживая в горле рыдания, с помощью старшей поднялась на ноги.

Она родит сына. Она обязательно родит сына.

Грудь вновь спёр страх.

Она не верила, что родит сына.

В Доме Духов царила ночь. Плотную тьму едва рассеивали мелкие грушевидные огоньки, которые как поплавки дрожали в двух саженях над полом, устеленном шкурами. Свет выхватывал очертания каменных деревьев, кустов, цветов и чуждых и жутких тварей, словно бы выраставших из стен. Свод потолка терялся в вышине, его полностью скрывала чернильная темнота.

На шкурах сидели пятеро мужчин. Трое из кочевого поселения народа хуани-са и двое пришлые, из городища народа нота-са. Главный шаман Хо-ёта-си сидел, скинув шкуру, демонстрируя гостям не только обережные татуировки, но и высшую степень недоверия. Сидящий

по центру седовласый жрец вёл себя сдержаннее, но смотрел на приезжих без привета. Чаще даже не смотрел, а прятал взор под оплывшими веками. С показной доброжелательностью глядел только молодой шаман, не успевший застать кровопролитных боёв с нота-са, из-за которых хуани-са два с половиной века назад пришлось уйти с родных земель и стать кочевниками.

Гостей приём не смутил, и вели они себя куда приветливее. В их небрежной вежливости чудилась снисходительность победителей.

– Вы опоздали к встрече жрецов, И-тро-х, – молодой жрец, высокий черноволосый красавец с открытым лицом и большими серыми глазами, слегка склонил голову, будто показывая, что он не осуждает и даже понимает, – и мне поручили передать вам…

– Духи меня ещё не покинули, – И-тро-х гордо вздёрнул подбородок. – Я знаю о повелении Господ.

– Я небрежен в словах, – гость покаянно развёл руки. – Мне велено узнать, что собирается делать хуани-са.

– И всё, что придумали верховные, это прислать щенка от народа, который уже замарал себя бесчестностью и предательством? – Хо-ёта-си показал в ухмылке крепкие белые зубы.

– Хочешь требовать честности?

Взгляды всех мгновенно обратились ко второму гостю. На фоне своего спутника он выглядел тщедушно и даже болезненно. Худой и сутулый, он сидел, сгорбившись и опёршись острыми локтями на тощие бёдра. Желтоватый свет окрашивал бледное лицо в серо-восковой цвет и тенями ложился в носогубных складках и крыльях выдающегося острого носа. Общее впечатление болезненности усиливали слипшиеся, как после долгого лежания, чёрные патлы волос, едва касавшиеся плеч, и тёмные, как сама бездна, лихорадочно горящие глаза. Пугающе огромные глаза. В них мелькало что-то сумасшедшее, как у человека, мечущегося в бреду.

Он сильно выделялся не только на фоне мускулистых хуани-са с раскосыми глазами, но и на фоне своего спутника. Его внешность была чужда, казалось, не только Хоётору, но и всему миру. Даже одевался он не так, как присутствующие. Во всём чёрном, без единого обережного узора или хоть какого-то амулета. Ни по лицу, ни по кистям рук не тянулись линии татуировок. Меньше всего гость походил на хоёторского шамана.

– Честности у тебя столько же, сколько и удачи, – с намёком прошептал черноглазый гость и растянул по-змеиному тонкие губы в улыбке.

Ноздри Хо-ёта-си хищно встрепенулись, зубы заскрежетали. Но обида не была высказана напрямую, и он промолчал.

– Ли-риан-сѝ, – молодой жрец почтительно склонил голову перед своим спутником, – не стоит затевать ссору.

– Разве не Хо-ёта-си положил начало? – шаман издевательски изогнул длинные брови.

– Оставим былое ради общего, – И-тро-х строго посмотрел на Хо-ёта-си и вновь перевёл взгляд на гостей. – Проклятое дитя должно родиться через ночь?

– Да, – молодой жрец согласно склонил голову, – Господа сказали так. Дочь, из-за которой порядок Хоётора изменится, родится через ночь. Никто не может препятствовать её рождению, но Господа оставили отметку. Она родится с изображением цветка на лице.

– У нас срок дохаживает только младшая жена Хо-ёта-си, – седой жрец тяжело посмотрел на главного шамана, но тот гордо вскинул голову.

– У меня рождаются только сыновья.

– Тем лучше, – тонко улыбнулся молодой гость. – Но если удача изменит…

– Он её поправит, – Ли-риан-си с прежней змеиной улыбкой смотрел на вражеского – а их никак нельзя было назвать хоть сколько-нибудь дружественными – шамана.

– Что может девчонка? Мы собрались бояться женщины? – Хо-ёта-си брезгливо скривился.

– Подвергаешь сомнению *Их* пророчество? – вскинул брови Ли-риан-си.

По лицу шамана заходили желваки.

– Нет, – всё-таки выдавил он.

– Прекрасно, а то я испугался за твою преданность.

– Ли-риан-си, – в голосе молодого шамана почти звучала мольба, и его спутник отвернулся. – Господа злятся. Пророчество говорит, что проклятое дитя приведёт с собой силу, с которой сладить будет невозможно. Если бы у нас был Арван-Ё, то никто бы не смог посягнуть на свободу Хоётора.

– Ий-узээрӀ-ш[11]не откажется от Арван-Ё, – уверенно протянул Хо-ёта-си. – Он не разжал зубы тогда, не разожмёт и сейчас.

– Его добровольное согласие не является главным, – язвительно протянул Ли-риан-си. – Но если мы упустим проклятое дитя и не вернём Арван-Ё, стоит быть готовыми самим не разжать зубы, – шаман резко подался вперёд и прошипел: – Ваш Господин поведал, как вы умрёте, если дитя приведёт свою силу, м-м-м?

Хо-ёта-си и второй шаман вопрошающе посмотрели на жреца, но тот промолчал. Только свёл брови и крепче сжал зубы.

– Ты знал, Ёта, – вражеский шаман допустил обидную вольность, – что многих из мужчин Хоётора погубит жена мертвеца? Не хочешь забояться женщины?

– Умолкни! – сквозь зубы процедил Хо-ёта-си.

– Хватит, – жрец тяжело посмотрел на обоих, но от гостя быстро отвёл взгляд.

Внутри коробило, что он, великий И-тро-х, вынужден терпеть чужую наглость. Но…

Жрец дёрнул плечом, поймав понимающий, насмешливый взгляд чёрных глаз. Захотелось сплюнуть и сдёрнуть с плеча шкуру, чтобы открыть обережные татуировки. Про Ли-риан-си ходили страшные даже для Хоётора слухи. И мало кто сомневался, что они правдивы.

– Мы исполним волю Господ, – И-тро-х склонил седую голову. – Можете так и передать.

Молодой жрец молча протянул ему ладонь. И-тро-х сунул руку в складки шкуры и, вытащив её, приложил к чужой руке восьмигранную печать. Мелькнула короткая серебристая искра, и И-тро-х под жадным взглядом Хо-ёта-си спрятал печать под одеждой.

– Что ж, мы не будем больше злоупотреблять гостеприимством своих врагов, – молодой жрец поднялся, но выпрямился не до конца. Он застыл в почтительном ожидании, пока его спутник не встал рядом.

Для И-тро-х такое почтение было чуждо: жрец всегда выше шамана. Но он тоже поднялся, будто оказывая уважение посыльным от жреческого круга.

– Пусть Духи проведут вас коротким путём, – пожелал он. – О-сòн-х, Ли-риан-си, да не сойдёмся мы в бою. А если и сойдёмся, то только в достойном.

Хо-ёта-си тоже встал и распрямил широкие плечи.

– Риан-си, не могу пожелать светлого пути, – искривил губы в усмешке оборотень.

Тот вскинул на него весёлый взгляд.

– Боишься назвать меня полным именем? Ну же, давай. Твоя удача из-за этого не исчезнет. Слышал, – змеиные губы ядовито изогнулись, – прошлым днём удача тебя уже покинула у салейской границы. Женщина, серьёзно?

Во всём внешнем облике Хо-ёта-си отразилось такое бешенство, что И-тро-х поспешил схватить его за локоть.

– Не забывай, кем ты был в прошлом, – презрительно бросил шаман гостю.

Тот лишь приподнял брови.

– Главное, – голос его понизился, – я помню, кем был *ты в моём прошлом*.

И в полном молчании направился к выходу. Часть тьмы словно потянулась за ним, скапливаясь за плечами и спиной плащом. Ли-риан-си и его спутник вышли, и в Доме действи-

[11] Ий-узээри-ш – Узээриш на хоёторский манер.

тельно посветлело. Тьма перестала быть такой плотной, а сияние огоньков разлилось чуть дальше.

– Держи норов в себе! – И-тро-х яростно посмотрел на своего главного шамана. – Продолжишь грызться с Риан-си, и никто не доверит тебе печать, когда Господа пожелают избрать для неё нового хозяина.

– Я не преклонюсь перед носящим имя женщины, – зарычал Хо-ёта-си, багровея от злости.

– Поклоны оставь при себе, как и норов! – жрец, уже не сдерживаясь, рявкнул.

– Ты слишком явно его боишься, – шаман презрительно сузил глаза.

Жрец развернулся к нему и уставился в лицо полыхающим взором.

– Ты знал, что Господа уже предлагали ему печать?

Кровь отхлынула от лица шамана, и он недоверчиво уставился на И-тро-х.

– А он посмел отказаться, – продолжил шипеть жрец, – и всё же до сих пор ходит у *Них* в милости.

А-ара и старшая жена-мать не успели скрыться в шатре, когда из Дома Духов вышли гости. Прятаться у них перед глазами было бы уже оскорблением, и женщины застыли, почтительно склонив головы. Они ждали, что мужчины пройдут мимо и не обратят на них внимания, но один из гостей неожиданно замер напротив А-ара.

Женщина сперва смотрела в землю, потом не выдержала и вскинула взор. И едва удержала вскрик. Сутулый мужчина, полностью укутанный в чёрный плащ, глядел глазами-безднами на её живот и улыбался.

Кивнув чему-то, он продолжил путь.

– Сплюнь! Сплюнь! – шёпотом затребовала жена-мать. – А то никак порчу навёл своими гляделками!

Последние полверсты до дома Лирка почти бежала, позабыв про усталость.

На заставу отряд вернулся часа четыре назад. Виларий отправился с отчётом к начальнику, а остальных отпустил отдыхать. В отличие от большинства служивых Лирка жила не на самой заставе, а в деревеньке за её стенами. Обычно до дома она добиралась вместе с господином Онтом, который жил там же. Сегодня они встретились с горшечником, который как раз возвращался с заставы, и доехали до поселения на его телеге.

Сердце радостно сжалось, когда показалась чёрная крыша небольшого белёного домика.

– Эй, Лирк! – женщину окликнула соседка, старая сварливая волчица. – Твои опять чевой-то творили. Думала, пожару устроят.

Лирка кивнула, показывая, что поняла, и отворила калитку в маленький садик.

«Сама в прошлом году пожгла скошенное сено на всём лугу!» – подселенец привычно ворчал. В сварливости он ничуть не уступал соседке. Может, потому она и донимала их меньше других.

Пройдя в сени, Лирка тут же услышала топот. Вторая дверь с грохотом распахнулась, и сын с разбега уткнулся в её солнечное сплетение, крепко обхватывая руками.

«Паразит», – тон подселенца зазвучал непривычно ласково.

На пороге появился высокий и широкий Эдар. Друг добродушно улыбался и приглаживал торчащие чёрные вихры.

– Мы тебя позже ждали.

– Подбросили, – коротко объяснилась Лирка, запуская пальцы в белоснежные кудри сына.

Тот вскинул лицо и поглядел на неё строго и очень серьёзно. Чёрные глаза на бледном, как у самой Лирки, лице смотрелись немного пугающе, но мать в этих блестящих глазах видела

тёмные бусины, сверкающие на мордочке любопытного детёныша. Улыбка сама появилась на губах, по стянутой шрамом половине лица побежали иголочки. Медведица внутри радостно заворочалась, и Лирка, склонившись, шумно обнюхала ребёнка.

– Мама! – сын без особого энтузиазма попытался её отпихнуть – дядя Эдар же видит! – и, скривившись, сдался на милость более сильного.

– Как у вас тут было? – Лирка позволила детёнышу вырваться, но продолжила с жадностью следить за ним.

– Да как обычно, – Эдар насмешливо посмотрел на затравленно зыркнувшего на него мальчика. – Ханён сперва куксился, что тебя нет, потом мы пошли играть с другими ребятишками.

– Ели? – Лирка закрыла за собой дверь на засов.

– Ага. Кашу доели. И ещё к госпоже Ехи заходили, она пирогов нам дала. Забор я ей, кстати, поправил.

– Бабушка опять ворчала, что тебе нужен муж, – сын посмотрел на мать строго и осуждающе, будто был полностью на стороне бабушки Ехи. – Дяде Эдару опять попало за то, что он плохой брат.

– Ну да, отвратный, – из-за спины Лирки высунулась башка подселенца, насмешливо скалившего зубы.

В сенях резко стало тесно.

– О, требуха явилась, – фыркнул Эдар, поворачиваясь, чтобы уйти в комнату. – Подожди, я окна завешу.

Через пару минут маленький дом наполнился детским визгом. Огромный подселенец зубами и носом щекотал катающегося по полу Ханёна, а развалившийся на лавке Эдар недовольно за ними наблюдал. И силился скрыть улыбку.

Подселенца он принимать никак не хотел. Как и подселенец не желал с ним дружить. Но их отношения с первой встречи хоть немного, но потеплели.

– Сожру-у-у-у… – страшно зарычал подселенец, перехватывая хохочущего мальчишку поперёк туловища острыми зубами.

Выглядело действительно жутко. Подселенец едва помещался под низким потолком и заполнял большую часть комнаты. Лирка вспомнила, каким он предстал в их первую встречу в Зверинце подземного города.

Он неспешно выпростал на свободу хвост, отставил в стороны длинные и невероятно тонкие передние лапы, выпрямил поджарое тело и встал. Огромный, длинный, с кажущимся бесконечным хвостом, чьи пряди колебались, будто клочья тумана; с узкой мордой, из пасти которой торчали острые иглоподобные зубы; и с настолько большими треугольными ушами, что они свисали и закрывали крутой лоб. В глазах звёздчатыми прожилками расходились два цвета – красный и голубой. Зверь не зарычал. Серые губы пасти раздвинулись, ещё сильнее обнажая длинные зубы, и возникло пугающее ощущение, будто монстр улыбается.

Вторая встреча состоялась уже после того, как зверь стал Лиркиным подселенцем. И он уже не выглядел столь величественно. Истомлённый длительной голодовкой зверь представлял собой жалкое зрелище. Обтянутые кожей кости, подламывающиеся дрожащие лапы, облезлый вид и поникший хвост. Им потребовалось очень много времени, чтобы отъесться, но сейчас зверь выглядел определённо лучше, сытнее, чем при первых двух встречах.

Мощные лапы, широкая грудь, мускулистое тело, отливающаяся голубым шерсть и длинный-длинный хвост, разметающийся на несколько хвостов поменьше. Маленького Ханёна он мог сожрать в два укуса.

– Нашли что-то интересное? – тихо спросил Эдар.

Лирка отрицательно мотнула головой и добавила:

– Искали отряд Тюпа.

Эдар скривился и продолжать расспросы при ребёнке не стал. Он и сам служил при заставе боевым магом, только не ходил с разведотрядами. Слишком уж далеко его было видно и слышно.

Лирка чувствовала вину перед другом, который продолжал оставаться здесь из-за неё. И то же время она радовалась, что он был рядом. Если бы не он, ей пришлось бы куда сложнее.

На службу Лирка вышла, когда Ханёну даже года не исполнилось. Она тогда снимала комнату у госпожи Ехи, и та взяла на себя труд присматривать за малышом. Эдар приехал на заставу через полгода и ужаснулся, узнав, сколько всего Лирка от них, своих друзей, скрыла. Он очень ей помог. Смотрел за Ханёном, на правах «брата» гонял особенно нахальных мужиков, помогал по хозяйству, даже вот с подселенцем, о котором Лирка никому здесь не говорила, умудрился поладить.

– Мне на службу пора собираться, – Эдар душераздирающе зевнул. – Гнездо-то не надумала разбирать?

Оборотень кивнул на дверь второй комнаты, но Лирка отрицательно мотнула головой.

– Ирресу оно нравится.

Дом она смогла купить пять лет назад. Он раньше принадлежал оборотню-коршуну, и после него осталось громадное гнездо.

Госпожа Ехи не была против, чтобы они и дальше с ней жили, но Лирка боялась, что в какой-то не очень прекрасный день почтенная женщина всё же поймёт, что ночами вокруг дома слоняются не призраки.

– Нечего его баловать.

– Тебя не спросили, – огрызнулся дух.

– Мама, я тебе есть приготовил! – Ханён уставился на Лирку чёрными глазёнками. – Ты голодная?

Эдар виновато заелозил по скамье и поднялся.

– Ну, мне пора.

Дух тоже исчез, и в голове Лирки загудел его взволнованный голос:

«Не ешь! Скажи, что мы поели на заставе!»

«Иррес, ты ведёшь себя недостойно», – укорил духа господин Наэш.

Медведица радостно заворочалась.

– Я очень голодна, – с улыбкой отозвалась Лирка.

– Тогда садись, – Ханён напустил на себя вид строгого хозяина дома и поспешил к очагу.

Отодвинув заслонку, он вытащил уже остывшую сковороду с… с чем-то. По внешнему виду Лирка не смогла понять, что это.

«Ну не издевайся! Мы не переварим!»

Медведица была уверена, что переварят. И ещё сковороду оближут.

Водрузив сковороду на стол, Ханён бросился искать ложку и хлеб.

Пару минут спустя он сидел напротив матери и нервничал, ожидая, когда она приступит к еде.

Лирка наслаждалась. Отчаявшись дозваться до её благоразумия, подселенец спрятался где-то в глубинах сознания, чтобы не участвовать в поедании очередного лакомства от Ханёна. И теперь внутри царили тишина и покой.

Смело отковырнув коричневый кусок, Лирка запихнула его в рот. На зубах что-то захрустело, и Ханён расстроенно побелел.

– М-м-м, яйца с картошкой, – мама облизнулась, и мальчик порозовел.

– Вкусно?

Он так мило волновался. Женщина с нежностью смотрела на тонкие черты лица сына и его худенькую шею. Эдар говорил, что Ханён очень похож на неё. Все так говорили.

– Шерстью только отличился, – посмеивался Ёрих, имея в виду волосы.

– Очень, – искренне ответила Лирка, и сын расплылся в счастливой улыбке.

«Определённо лучше, – не поскупился на похвалу господин Наэш. – *Вкус ингредиентов почти различим».*

– Я тебе каждый день готовить буду, – горячо пообещал Ханён.

«Иррес будет в восторге», – в голосе господина Наэша прозвенело веселье.

Лирка проснулась ночью от тихого кряхтения. В доме висела уютная сонная тишина, нарушаемая только тонким дребезжанием слюдяных окошек. Вытянувшись на постели, женщина с улыбкой подумала о том, как же ей сейчас хорошо. Спокойно. Приятно. Потом она зевнула и, склонившись, помогла медвежонку забраться на постель. Тёмный комок шерсти покрутился, принюхиваясь к простыням, и прильнул к боку матери. Медведица внутри раскатисто заворчала, а Лирка сонно потрогала сына, проверяя все ли лапки на месте, не пропал ли хвостик и есть ли на голове ушки. Окончательно успокоившись, она прижала сына к животу и уже сквозь сон почувствовала, как к детёнышу принюхивается Иррес.

«Хорошо…» – тихо прошелестел его голос, и женщина окончательно уплыла в сон.

Немного об особенностях языка хоёторцев.Так как на землях Дикого Хоётора проживает много народов, то языки их между собой различаются. Но почти все они потомки одного народа, и правила языка у них схожи. Зная некоторые эти правила, можно понять, что означают имена нарицательные.

Хоёторцы придают большое значение именам. На «Ё» заканчиваются названия поселений. На «И» – водные географические объекты. На «Я» – все остальные географические объекты. Окончание «са» прибавляется к названиям народов. Например, салейцы – это салея-са.

В почти всех нарицательных именах (кроме некоторых исключений) ударение падает на последний слог, который идёт после -.

Для личных имён есть свой свод правил. В имени отражается происхождение, заслуги, статус. Первая буква идёт от первой буквы (первого слога) имени рода. Дальше идёт собственно имя и уже после него ставится часть, отражающая положение его обладателя. Эта часть в течение жизни может меняться. Отсутствует она у детей и очень часто у женщин, т.к. у большинства народов Хоётора женщины не могут занимать высокое положение (исключение: народы северо-восточного Хоётора).

Пример, героиня А-ара. Имя её рода – Арван. Её личное имя Ара. Статусной части нет.

Перечень всех возможных частей приводить не буду. Они могут иметь в своём составе от одной до трёх букв. Количество букв на престиж не влияет, только их смысл.

Перечень статусных частей, приводимых в тексте романа (будет пополняться):

-х – жрец;

-хи – главный из жрецов;

-с – шаман;

-си – приближенный к духам шаман;

-ш – потомок богов (высочайший статус, единственный, который можно получить от рождения);

-р – воин;

-ри – воин воинов.

Если хоёторец решил дать имя какому-то объекту, например, мечу, храму, лошади, то здесь действуют те же правила, что и для имён людей. Только в начале нет буквы имени рода. Например, Хои-р может быть именем для лошади воина.

Если же хоёторец хочет назвать какое-то природное явление, дать имя какому-то особенному ветру, то окончание всегда будет -ш, потому что все проявления природы связывают с духами. И никто не желает прогневать их неуважительным отношением.

Глава 5. Смерть жреца

Ближе к рассвету Лирку разбудил стук в окно. Сонно встрепенувшись, женщина слегка отодвинула в сторону занавеску и различила мутное белое лицо, в котором больше интуитивно узнала господина Онта.

– Вставай. В Лесу что-то происходит. Виларий прислал вестника и велел собираться на заставе.

Лирка растёрла лицо, пытаясь согнать тяжёлую хмарь сна.

– Сейчас.

– Ханёна мне отдай. Пока собираешься, к Ехи его отнесу.

Женщина с жалостью посмотрела на завозившегося у неё под боком сына. Тот успел обернуться во сне и теперь прижимался к матери всем телом, чтобы согреться. Завернув его в одеяло и прихватив одежду с обувью, Лирка прямо так вынесла его ожидающему господину Онту и начала торопливо собираться.

«Ни поспать, ни пожрать с ними, – недовольно ворчал дух. – *Почему мы всё ещё не уехали отсюда?»*

– Почему мы сюда вообще приехали? – недовольно отозвалась в ответ Лирка.

– *Ехала бы ты отсюда, девка.*

Эти слова шёпотом сказал на прощание драконий всадник, перед тем как оставить магичку на широкой сине-зелёной кроне оля̀шника.

Сколько раз она слышала эти слова? Мало кто понимал, что забыла в диких землях женщина с малолетним сыном. Ладно бы ребёнка на стороне нагуляла, так ведь Честная Вдова. По заставе и деревне ходили, конечно, разные слухи. Она не скрывала, что родители мужа не захотели принять безродную и безымянную и выперли сына из семьи, когда он на ней женился. Он и так успел их сильно разочаровать, выбрав путь жреца Ваира̀ка: отец-то прочил ему другую судьбу.

Боги не были к ним милостивы: в скором времени муж заболел и умер по дороге на север. Они хотели осесть здесь, купившись на посулы о бесплатной земле и жизни без податей. Хотели не только заработать деньги, но и, может быть, заслужить новое имя. Жрецам Ваирака было с этим проще, им имя мог пожаловать и главный жрец, если имелись достаточные заслуги. Но не случилось.

Кто-то Лирке сочувствовал, кто-то злорадствовал. Сама она, дважды рассказав свою историю сперва госпоже Ехи, а затем хаварию Геду, более никому её не пересказывала. Рассказали всё за неё и приукрасили где нужно.

– Ехать тебе отсюда надо, – не раз говорила госпожа Ехи. – Нечего тебе здесь ждать. Сама же говорила, вины за тобой никакой нет, от закона не бежишь. Руки есть, голова есть. Ноги раздвигать для заработка и здесь не стала, хотя тута охотников вон сколько! Приволокут тебя однажды мёртвую, и останется Ханён сиротой. Я-то его не брошу, прикипела к мальцу. Но много ли мне самой осталось? Да и не будет ему жизни здесь без тебя. Малыш смышлёный, а тут где ему развернуться? Не, мила̀я, не место тебе здесь. На сорок вёрст южнее в деревеньке Со̀ный храм Ваирака стоит. Ежай туда. Как жреческой вдове помогут добраться до большого города, там и осядешь. О дитёнке думай! Да простит меня почившая душа, но муж твой умным не был. Чего вас сюда-то потянуло?

На тот момент Лирке казалось, что Арванское городище – действительно хороший выбор. Далеко от столицы, новым поселенцам рады, зазывают как могут в опасные земли. Да и там, рядом с Дикими Хоётором, её новообретённые странности не будут так бросаться в глаза.

Тогда она ещё плохо понимала, где её желания, а где желания подселенца. На тот момент, одиннадцать лет назад, они ужасно ладили между собой и, связанные волей случая, сходили с ума от соседства. Впрочем, дух и до этого был двинутым.

«О, а кто-то тут у нас очень нормальный», – в голове разлился язвительный голос Ирреса.

Их знакомство произошло в обстоятельствах ужасных, а сам подселенец предстал перед Лиркой в виде искалеченного творения сумасшедшего гения, пытавшегося избавиться от правящей семьи Салеи и стремящегося занять трон.

Лирка вздрогнула и почувствовала укол вины перед господином Наэшем. Ведь этот сумасшедший был его сыном.

«Ничего, – кротко отозвался господин Наэш, – *он ведь действительно сошёл с ума».*

Сидя в кроне дерева и ожидая сигнала от вилария Хабдира, Лирка перебирала в памяти события, круто изменившие её жизнь, решительно отчертившие на «до» и «после».

Родилась и выросла она в деревеньке Стожевы̀е Ыйки, глухом поселении севернее Жаанидыя. Стояло оно где-то на середине пути между столицей и Сумеречными горами. Община чёрных медведей, в которой не очень-то приветливо относились к чужакам. Да и к своим тоже не всегда благосклонно. Отца Лирки по слабости здоровья исключили из семьи, чтобы не портил род таким же слабым потомством. В жёны ему дали оборотницу из соседнего селения, тоже слабую и болезненную. Умерла она рано, Лирка её почти не помнила. Несмотря на все опасения, и сама Лирка, и её старший брат Илик были отменно крепки, здоровы и сильны. Лирка даже сильнее своих кузенов. Дед думал принять их обратно в семью, но умер раньше, а дядя уже не захотел.

Устав от тяжёлого и часто безнадёжного труда, Илик решил податься в город и попытаться выучиться на мага. И сгинул. Через некоторое время заболел и умер отец. Лирка, может, и продолжила бы сидеть в деревне, но поломала одного из кузенов, когда тот пьяным смел её домогаться. Опасаясь возмездия, сбежала и, не зная, куда пойти, направилась в Жаанидый, как и брат, чтобы поступить в школу магии. Надежды на поступление особой не было, но её, почти неграмотную, всё же приняли на боевое отделение, где в тот год был недобор, и потом спешно подтягивали по общим дисциплинам.

Тогда она вот так же думала, что жизнь её круто разделилась на «до» и «после». «До», когда она была совсем никем и ничего не ждала от будущего, и «после», когда надежда на будущее появилась.

На четвёртом году обучения у неё появились первые друзья. Род, она же Лилѐя, Мадѝш, Эдар, Лирѝй и Майяри. Они перевелись из Санарѝшской школы, и их дружба зародилась както сама по себе. Сперва рядом появилась Род, с которой они учились в одном классе, потом Майяри, которая тоже училась с ними в одном классе, но на занятиях бывала редко. А затем и парни, с которыми девушки дружили ещё с Санаришской школы. Никогда ранее Лирка не ощущала такую сильную поддержку со стороны. Она ни о чём не просила, но они всегда помогали. Даже сейчас, когда она вспоминала те времена, горячее чувство благодарности и желание ответить тем же захлёстывали её. За них она была готова рвать зубами, не думая о законах… вообще ни о чём не думая.

«О-о-о-о, мне нравится это воспоминание!» – дух захохотал, и Лирка поспешила вымести из головы высокого хайрена, которого сбила с ног ударом головы в живот.

И как Майяри потом только оправдала её перед наследником трона?

«Вспоминай его меньше», – Иррес поторопился пресечь повторное появление беловолосого хайрена.

Это период «после» был самым прекрасным в жизни Лирки.

А потом случилось ещё одно разделение.

Мятеж. Грандиозный план сумасшедшего Дѐшия. Попадание в Подземный город вместе с Майяри, от которой этот Деший хотел что-то получить, и незабываемая «честь» делить одну темницу с тогдашним хайнесом Иерхàридом.

Собственно, тогда и состоялась первая встреча с Ирресом.

Безумный Деший создавал зверей для лишенцев – оборотней, потерявших свою звериную часть. Сам лишенец, он был сильно заинтересован в создании нового зверя, способного заменить умершего. Гениальный маг громадного ума, он смог осуществить задуманное. Он искал оборотней с хорошим магическим потенциалом, забирал их силы и умерщвлял. После брал их мёртвую звериную половину, душу умершего и пойманного духа. Все эти три части он сплавлял в единое целое, лепил новую форму, создавая зверя, по силам с которым мало кто мог сравниться.

В первых экспериментах он замахнулся очень высоко и ловил для своих целей духов высшего порядка – разумных духов. Уже потом он стал приманивать низших духов, духов-зверей. Разумные духи были слишком своенравны и коварны. Они притворялись покорными, занимали предложенные тела, а затем рвали их и, оказавшись на свободе, начинали убивать всех вокруг. Деший отказался от идеи использовать таких зверей. Они сидели в клетках и медленно умирали в неволе.

Иррес единственный, кто остался от этих первых опытов. К моменту их встречи с Лиркой он был в заточении уже около четырёх веков и последние полгода его морили голодом, надеясь, что он наконец издохнет. Но он держался. Лирка помнила, каким величественным и пугающим зверь показался ей, хоть и походил больше на замысловатый росчерк тумана.

Именно эта встреча по-настоящему перечеркнула жизнь Лирки и разграничила её.

Была она просто деревенской девчонкой, которой выпал шанс занять хорошее, прочное место в жизни, а стала тем, кто по случайности слишком глубоко втянулся в тайны правящей семьи. Да ещё и оказалась связана с творением безумного гения-мятежника. Ни Иррес, ни она этого не хотели.

Иррес думал проскочить сквозь неё, когда Зверинец, где они были заперты, начал обваливаться. И неожиданно для них обоих оказался у неё внутри, в мешке, где хранилось физическое тело звериной половины. Только Иррес сперва был с другой его стороны, со стороны двуногой ипостаси. Обескураженный, он не сразу сообразил, что происходит, и не порвал Лирку в первые мгновения. А потом вскинулись инстинкты, унаследованные им от химеры – зверя господина Наэша, говорящие, что самку трогать нельзя. Да и сам господин Наэш удерживал его как мог. А далее случилось то, что никто бы не смог предвидеть, даже если бы рассуждал о возможности подселения Ирреса к Лирке.

Духовные силы зверя, которые держали его полгода, внутри Лирки сошли на нет. И истощённое длительным голодом физическое тело Ирреса стало стремительно умирать. Лирка до сих пор помнила ужасающее, удушающее чувство того, как что-то внутри угасает и отчаянно хватается за жизнь. Пока они с Ирресом паниковали, медведица спокойно причислила подселенца к «своим» и поделилась с ним половиной массы своего тела. И этим намертво привязала его к Лирке.

После первого же оборота он переместился на звериную сторону мешка и на несколько недель оказался там заперт. Пока не окреп в достаточной мере, чтобы выходить наружу вместе с медведицей. Ослабевший, голодный, злой, свихнувшийся от долгого заточения и ненавидящий всех, он сводил с ума и Лирку, которая совсем не была к такому готова. Господин Наэш изо всех сил пытался успокоить Ирреса и объяснить ей, что происходит. Лирка видела в подселенце вселенское зло, готовое творить беды её руками, и боялась его.

Оплотом спокойствия была только медведица, главной заботой которой стало наесть потерянные килограммы.

Если бы не господин Руахàш – главный жрец жаанидыйского храма бога Ваирака, с которым её свела удача, – Лирка, наверное, всё же свихнулась бы. Открылась она ему в отчаянии, уже мало что-то соображая от страха и одолевавших её эмоций подселенца. И он помог. Не раскрыл её перед другими, схоронил тайну, и с его помощью они обрели хрупкое равновесие.

Но будущее Лирки опять стало мрачным. Перечеркнулось за одну ночь.

В Зверинце помимо Ирреса были и другие звери, созданные уже из низших духов. В ту ночь они почти разорвали хайнеса Иерхарида, и он с большим трудом выкарабкался и выжил. Благодаря Майяри Лирка знала, что произошло с этим зверьми и с оборотнями-лишенцами, в которых Деший успел подселить свои творения. Конечно, их заперли и изучали. Новый хайнес, господин Узээриш, совершенно не доверял этим созданиям, едва не убившим его отца.

Но самая главная проблема была не в самом подселенце, не в Ирресе, а в господине Наэше. И в отношении к нему хайнеса Узээриша.

«Хватит вспоминать этого ублюдка!» – Иррес рявкнул.

«Не называй его ублюдком», – заступился за родственника господин Наэш.

Оставаться в Жаанидые было опасно. Лирка не могла контролировать духа, а… проблемы только росли и увеличивались. В сумятице мыслей она творила одну глупость за другой. Всё закрутилось с такой быстротой, что Лирка начала приходить в себя только уже на пути на Харинскую заставу.

Арванское городище казалось ей прекрасным вариантом для дальнейшей жизни.

Только год спустя Лирка поняла, что попасть в Арван-Ё хотела не она, а Иррес, которого именно здесь пленил Деший. Она не уехала сразу, как поняла это, только потому что они надеялись найти способ избавиться от соседства друг с другом.

Но способ не нашёлся, и они наконец смирились и неохотно подружились.

О странном соседе Лирки знали только господин Руахаш, Майяри, узнавшая об этом случайно, и Эдар, которому пришлось признаться уже специально, а то он грозился вызвать на Харинскую заставу всех друзей. Лирка и так едва пережила визит Майяри. Сейчас, после одиннадцати лет сожительства, и подселенец, и Лирка успокоились, научились контролю и больше не опасались, что случайно выдадут свою небольшую тайну.

Лирка никак не реагировала внешне, даже если Иррес в её голове травил анекдоты или разъярённо орал. Иррес быстро прятался, если кто-то из оборотней возрастом за четыреста лет смотрел Лирке в глаза. Ну, чтобы ничего странного не заподозрили и не почувствовали, что в ней есть кто-то ещё. Подселенец даже научился выходить наружу вне оборотов. Они не предполагали, что такое возможно, но господин Наэш посчитал что-то, прикинул и решил, что стоит попробовать. Они тогда очень в этом нуждались: Иррес хотел гулять на свободе, а Лирка не могла так часто его выпускать. Стало значительно легче, когда Иррес научился сам выходить наружу. Далеко от Лирки он всё равно не мог отходить, но, боги, и это уже можно было назвать вольной жизнью, которой он был лишён четыре века!

Собственно, они уже были готовы вернуться в более безопасные и цивилизованные места.

Но…

Слуха коснулся сухой надрывный крик сипàна – крохотной птички с серо-зелёным оперением и мощной глоткой. Лирка скользнула вниз, ловко перескакивая с ветки на ветку. В трёх саженях от земли она замерла, осматриваясь, и только после этого спустилась на землю. Рядом с ней тут же возник господин Онт, молча указавший на запад, и они бесшумно нырнули в заросли розово-красного пахучего шилàпика. По другую сторону их уже ждали остальные члены отряда.

Под сенью Леса пока ещё было сумрачно, хотя солнце оторвалось от горизонта на добрых два часа.

– На оборотней нота-са напали отступники, – едва слышно прошептал Ёрих.

Члены отряда обменялись удивлёнными взглядами. С отступниками они имели дело очень редко, те водились в основном в центральной части Хоётора.

– А что здесь забыли и те, и другие? – Хабдир нахмурился.

Ничего хорошего от этой вылазки он не ждал.

– Среди нота-са жрец, – продолжил Ёрих.

Повис вязкий холодок.

Встретить в бою хоёторского жреца было огромной неудачей. С ними практически невозможно было сладить в одиночку. Приходилось нападать целым десятком, но без поддержки мага жрец мог и их положить. Они владели силой странной и необъяснимой.

– Обычный? – уточнил Хабдир, и Ёрих кивнул.

Несмотря на разобщённость среди народов Хоётора, было на этой земле какое-то подобие организованной власти, сосредоточенной в руках восьми Больших жрецов, среди которых был один Главный. Их в боях последний раз встречали при битве за Арван-Ё, и величинами они были ужасающими по своему могуществу. Ходил слух, что дарен Узээриш смог убить одного и тем переломил ход сражения в пользу Салеи. Но почему-то никто из участников тех событий не спешил подтверждать это.

Помимо Больших жрецов существовало несколько десятков обычных. Но и они сейчас участвовали в стычках с приграничниками редко.

– Отступников очень много. Похоже, они заранее планировали нападение и подтянулись, – Ёрих натирал лицо листьями шилапика. – Умудрились разбить отряд нота-са на две части.

– Большой отряд?

– Пятеро. Но там помимо жреца шаман, приближенный к духам. Этот, – Ёрих поморщился, – болезненный такой. С чёрными глазами.

– Ли-риан-си? – Хабдир окончательно расхотел куда-то вести отряд.

Попадут под раздачу горячего. Одно дело – предполагать, что можешь наткнуться на бешеного дракона, и совсем другое – точно знать, что наткнёшься на него.

«Если столкнёмся, уступаешь место мне, – велел господин Наэш. – *Тебе он не по зубам».*

Лирка не спорила. Она видела Ли-риан-си один раз, издали. И господин Наэш сразу же велел ей убираться подальше от шамана. Тот был одарён странной силой, природу которой не мог объяснить даже Иррес. И это пугало.

– Это ж сколько там отступников, раз им удалось продержаться так долго, чтобы разбить отряд?

Ёрих коротким неприличным словом назвал количество.

– Всё в трупах. Я живыми видел только пару десятков отступников и самого Ли-риан-си. Жрец, я так понял, откололся.

– Чего тут забыли нота-са? – Хабдир задумчиво искривил губы. – И чего хотят от них отступники, раз они забрались так далеко, да ещё и на смерть идут. Верную смерть.

Про отступников известно было не так много. В стычках с приграничниками они не участвовали. Это была какая-то вялая немногочисленная сила, выступающая против власти жрецов.

– Вот меньше всего мне хочется это узнавать, – скривился Ёрих.

– А вот начальство очень захочет. Ну что, ребята? – Хабдир посмотрел себе за спину. – Пойдём заслуживать имя?

Шум боя довольно быстро достиг кочевого поселения. Отправленный на разведку воин доложил, что отряд нота-са угодил в ловушку крысаков[12]. Те собрались большой стаей и нападали довольно отчаянно. Долг хозяев требовал, чтобы хуани-са пошли с потравой, но спешить

[12] Крысаки – одно из презрительных названий отступников.

на помощь давнему врагу не стали. Обождали чуток, съели утреннюю трапезу и только после этого выдвинулись.

И теперь, стоя над телом убитого молодого жреца, корили себя за медлительность. Особенно злился Хо-ёта-си. Шаман медведем носился по заваленной телами поляне, то возвращаясь, то удаляясь от растерзанного жреца.

– Следов насильственного разрыва связи с печатью нет, – И-тро-х разогнулся. – Успел спрятать.

– Куда он мог её деть? – Хо-ёта-си метался, чуя, как сквозь пальцы ускользает возможность стать жрецом.

Если бы они пришли чуточку раньше и О-сон-х был ещё жив…

Отводя ярость, он пнул одно из тел. Труп перевернулся на спину, и открылось лицо с застывшей на нём маской муки. От левого плеча до правого бедра по груди шла широкая рана. Одет оборотень был в такое рваньё, что ткань едва ли не просвечивала.

Сквозь кусты проломился разведчик.

– Там, – он указал на восток, – Ли-риан-си и отступники.

– Если успеем, то можем застать кого-то в живых, – И-тро-х поднялся на ноги.

Большую часть отряда оставили в чаще, вперёд пошли только Ёрих, Нарий, Хабдир и Лирка, как единственный маг в отряде. Но и они не стали подходить слишком близко, чтобы их не обнаружили.

Оборотни, облачённые в страшнейшее рваньё, с отчаянием смертников бросались на черноглазого шамана, а тот даже не соизволил подняться с бревна. Сидел и тяжело смотрел на нападавших. Над его плечами клубилась тьма. Она металась из стороны в сторону, душила и рвала врагов, проникала внутрь через распахнутые рты и выходила, разрывая грудную клетку. Оглушительные вопли распугали всю живность, разведчики побелели, но никто, даже Лирка, взора не отвёл, чтобы точно знать, на что ещё способен главный шаман нота-са.

От нападавших осталась всего пара оборотней. И они не собирались обращаться бегством, хотя участь их была определена и выглядела жутко. Тьма уже метнулась к ним, когда на поляну выбежали трое. Престарелый, но ещё крепкий оборотень, знакомый Лирке колдун и держащийся позади слегка напуганный мужчина. Они быстро заговорили по-хоёторски, и женщина покосилась на товарищей. Живя на границе, она научилась общаться с врагами, но быстрая речь всё ещё сбивала её с толку. Мужчины, судя по их напряжённым лицам, понимали больше.

Черноглазый шаман ленивым взмахом руки остановил тьму, и та замерла, недовольно клубясь над поверженными на землю отступниками.

Старый хоёторец что-то продолжил говорить быстро и резко, указывая рукой себе за спину. Ли-риан-си досадливо поморщился, и тьма полностью отползла к нему и легла на плечи плащом. Лирка напряглась, кое-что разобрав в речи хоёторца, и переглянулась с какими же поражёнными товарищами.

Эти крысаки умудрились грохнуть жреца и, похоже, стащили его печать!

Глава 6. Жреческая печать

К товарищам Хабдир, Ёрих, Нарий и Лирка вернулись почти четыре часа спустя. Мхян встревоженно осмотрел каждого. Самый молодой и эмоциональный, он никак не мог привыкнуть, что лазутчики могли уйти даже не на часы – на несколько суток, и придумывал различные беды. Остальные лишь заинтересованно вскинули брови, но виларий коротко распорядился двигаться на запад и искать подходящее место для укрытия. Уйти на заставу сегодня шансов у них точно не осталось. Хоёторцы встревожены, как пчёлы, у которых дупло с мёдом разворошили, и шныряют по округе.

Менее чем через час подходящее место нашлось.

– Ну почему именно здесь? – жалобно ныл Мхян, нервно косясь на дерево.

– Если ссышь, просто не подходи близко, – хмыкнул Ёрих, но сам тоже обошёл древо с жралами по большой дуге.

– Зато сюда местные не сунутся, – глухо произнёс Хабдир.

– И наши тоже, – добавил Онт.

Взгляды всех скрестились на Лирке, которая когда-то впервые предложила переночевать рядом с жральным деревом. Мол, слышала от старожилов, что самого дерева и его плодов бояться не нужно. Нужно бояться только сорванных фруктов. Дерево вроде бы как мстит за насильно оторванных деток.

«Трусы», – ехидно протянул тот самый «старожил».

Так-то дерево с жралами выглядело волшебно. Увидев его впервые, Лирка не хотела верить ехидному Ирресу, что именно вот из этих жёлто-зелёных плодов появляется прожорливый кошмар. Изящно перевитый желтовато-золотистый ствол, увенчанный округлой шапкой из ветвей и оранжево-песочной листвы. Среди удлинённых ладошек-листьев как игрушечки покачивались зеленовато-золотистые, словно слегка светящиеся плоды. Не очень большие размером, как дикие яблочки. Форма только более вытянутая, кожица бархатистая и ни одного следа завязи.

«Пожирали, сухляды, прямо зелёными! – дух ядом исходил, когда рассказывал историю волшебного дерева. – Подчистую обирали, будто для них посажено. Не следить же за всеми? Так что босiка теперь сама себя защищает».

Интересно, местные-то помнили настоящее название дерева или тоже родителем жрал называли?

Лирка склонилась, высмотрев в траве сочно-жёлтый бок, и, подняв фрукт, жадно впилась зубами в него. Рот мгновенно наполнился кисловатой сладостью и слюнями. Против воли вырвался сладострастный стон.

– Да когда ж ты кончишь жрать что ни попадя! – в сердцах бросил Хабдир.

– Оно само упало, – продолжая жевать, отозвалась Лирка, – можно есть.

– Как можно есть то, что нас жрёт? – недоумевал Мхян.

– Не любителям медвежьих лап об этом говорить, – женщина беззлобно хмыкнула, припомнив событие недельной давности, когда на заставу притащили тушу огромного медведя, промышлявшего в окрестных деревнях оборотнеедством.

Парень вспыхнул, но на Лирку всё равно смотрел неодобрительно. Та же присела и выбрала из травы ещё с десяток плодов пожестче, чтобы в дороге не помялись. Ханён тоже их любил. Раньше Лирка и Эдару приносила. Пока Ёрих не просветил её друга, чем его угощают.

«Как они ещё с голоду не подохли с такой переборчивостью?» – недоумевал Иррес.

Косточку – белую, а не чёрную, какая остаётся после жрал, – Лирка запихнула в один из поясных мешочков.

– Чего вы там услышали? – поторопил Онт Хабдира, когда закончили осматривать местность и все собрались под сенью кустов.

Лирка села поближе к дереву и продолжила выбирать из травы фрукты. Иногда попадались жёлтые плоды с красными крапинами, которые не упали сами, а были сброшены птицами. Они чуточку горчили, но женщине нравился терпкий привкус. Белые косточки с чёрными разводами она тоже хозяйственно собирала.

– Тёмные, Лирка, их даже местные не едят, – попытался урезонить её аппетит виларий.

– Может, и едят. Я не спрашивала, – отказываться от удовольствия оборотница не собиралась. Босика попадалась не так часто. А вот жралы – каждую третью вылазку.

Местные шаманы любили устраивать салейским приграничникам и заодно всем остальным хоёторцам такие милейшие сюрпризы. Из специально сорванного плода жрало вызревало на второй день. И хорошо, если вызревало не в животе. Достаточно положить сорванный плод в нужном месте, и ловушка готова. Порой жрал выставляли в качестве охраны, например, около священных объектов. Особенно это было принято среди кочевого населения Хоётора, чтобы в их отсутствие никто не смел покуситься на святыню.

Появлялось жрало сперва очень маленьким, в локоть длиной. Но уже после первой трапезы оно вымахивало до полусажени и дальше росло медленнее. Самое большое жрало, которое видела Лирка, имело две с половиной сажени в высоту. Виларий утверждал, что ему попадалось и трёхсаженное. Болтун Ёрих клялся, что видел в одном поселении рядом с шаманским шатром чудище в пять саженей ростом, а потом ругался с Нарием, который заподозрил, что Ёрих путает сажени и локти.

– Главное, чтоб не сажени и вёрсты, – хохотнул Вехна.

Когда все наконец уселись, виларий тихо-тихо произнёс:

– Крысаки кокнули жреца и, кажись, печать умыкнули.

Повисла поражённая тишина. Забывшись, Мхян сложил губы, чтобы присвистнуть, но сидящий рядом Сендар вовремя вправил ему оплеухой мозги.

– Жрец-то какой? – горячо уточнил Вехна.

– Обычный.

Лекарь разочарованно выдохнул, но огонь в глазах гореть не перестал.

Сколько бы боёв не было между хоёторцами и салейцами, ни разу не удавалось перехватить жреческую печать. Легендарный атрибут, по слухам едва ли не мощнейший артефакт, хотя подтверждений тому не было. Но хоёторцы так тряслись над печатями, что хочешь не хочешь, но задумаешься о их важности.

Сорок девять лет назад в боях за Арван-Ё погибло много жрецов. Но печати при них не находили ни разу.

– А разница какая? – не понял Мхян.

– Какая разница между Главным, Верховным и обычным жрецом? – Ёрих посмотрел на парня как на идиота, и тот стушевался. – Может, в статусе и силе?

– Да это и так понятно, – обиженно протянул посыльный. – Я про печать.

– А это одни Тёмные знают! – фыркнул вредитель.

Лирка молча с ним согласилась. Тёмные наверняка знают. Иррес внутри хмыкнул.

– В руках бы хоть раз подержать, мож, и поняли бы что, – Хабдир вздохнул. – Хоёторцы теперь на ушах. Крысаков вроде всех перебили, кроме одного. А печати нигде нет. То ли перед смертью сам жрец спрятал, то ли крысаки куда заныкали. Хуанисайский жрец почему-то уверен, что сама найдётся. Говорил, что главное крысаков перебить. А вот колдун его мечется. Явно лапы наложить хочет.

– А нам-то чего с этой печати? – Мхян явно был разочарован.

– Того, что если печати этой не будет, то и нового жреца не будет. Понимаешь? – Вехна горящими глазами уставился на парня. – Жрец – самый опасный среди хоёторцев. А тут он устранился без нашего содействия.

– Ты погоди про устранился, – нахмурился Хабдир. – При Арван-Ё мы их вон сколько перебили, так через сутки-двое новые приходили. Как уж они эти печати ныкают, а потом передают… – виларий развёл руками. – И в этот раз передадут. Только кому? Померший жрец был из нотасайцев, и щас все их соседи вскинутся, чтобы печать к себе перетянуть и жреца заиметь. Свара вспыхнет. В ближайшие дни горячо станет и будет хоёторцам не до нас. А у нас работы прибавится. Обстановка-то изменится, нужно понимать, у кого силы больше станет.

– Эту потеряли, новую чего не сделают? – Мхян опасливо посмотрел на Ёриха, переживая, что его вновь высмеют за глупый вопрос, но никто не ухмыльнулся.

– А кто их знает, чего не делают, – скривился Хабдир.

То, что жреческих печатей ограниченное число, наверное, единственное, что было известно точно. Пленные хоёторцы мало что могли рассказать и об артефактах, и о самих жрецах. Болтали, что за теми стоят высшие силы, но за каким жрецом их нет? Сколько всего печатей, наверное, и сами хоёторцы не знали. Точно известно, что есть одна печать Главного жреца, восемь Высших жрецов и сколько-то печатей для обычных.

«Двести восемнадцать. Было…» – протянул Иррес.

– У них до кучи сейчас какие-то пророчества в силу входят, и хуанисайский жрец опасается, что потерянная печать может как-то худо отозваться, – Хабдир всё-таки подобрал один плод, понюхал, но кусать не стал. – Они ждут рождения какой-то проклятой девочки, которая якобы должна привести весь Хоётор к гибели.

Раздались недоверчивые смешки.

– Про Господ упоминали. Мол, они предсказание дали.

Смешки умолкли.

– Так здорово же, если мы Хоётор… того, – взволнованно сверкнул глазами Мхян.

– А кто про нас говорил? – Хабдир косо посмотрел на него. – Мутят. Одни Тёмные разберутся с этими предсказаниями. Промеж себя говорили, что с ребёнком в Хоётор должна прийти большая сила, и тогда конец нынешним порядкам.

– Порядок в Хоёторе? – усмехнулся Сендар.

– Кабы ещё больше беспорядка не стало, – сплюнул Хабдир и, забывшись, обтёр плод о штанину.

– Они там чего только не говорили про это пророчество, – Ёрих нахмурился. – Вроде бы Господа предсказали каждому, как жизнь его кончится, если дитя в силу войдёт.

«Пелену на глаза бросают, – презрительно процедил дух. – *За свои шкуры трясутся».*

«Они могли соврать?» – обратилась Лирка с мысленным вопросом.

«Могли переврать. Предсказание несложно перевернуть так, что звучать будет так же, а смысл станет другим», – вместо духа ответил господин Наэш.

Он против обыкновения не ушёл «в спячку», и Лирка чувствовала его едва осязаемое мудрое присутствие. Словно сидела под крылом огромной птицы, которая, склонив над ней голову, бдительно прислушивалась и осматривалась. Господин Наэш редко вёл себя так. Только если чувствовал большую опасность.

– Я про Господ всего два раза слышал, – тихо протянул Мхян.

– Их местные просто так не поминают. Помнишь, я говорил тебе, что в Хоёторе духам поклоняются? – Нарий вопросительно вскинул брови. – Господа – это духи.

– И они правда общаются со смертными? – поразился Мхян.

– Скажешь тоже, – фыркнул Ёрих. – Когда это бессмертные нисходили до нас? Скорее всего Главному жрецу что-то привиделось в пьяном угаре. Он сказал Высшим, а те ещё и от себя приплели. Вот и общение с Господами.

Виларий молчал, не спешил подтверждать сказанное и, казалось, что-то обдумывал, продолжая мять босику в могучей ладони.

Творящийся в Хоёторе хаос сложно было понять. Некогда огромная, могучая страна потеряла целостность в период Древних войн. Поселившаяся тогда в этих землях вражда словно продолжала жить здесь. Местные народы были каждый сам за себя, но против внешнего врага могли объединиться. Постоянные стычки между своими же должны были ослабить Хоётор. Так, наверное, и произошло, но Хабдиру жутко становилось, когда он пытался представить, каким Хоётор был до ослабления.

Здесь сама земля поднималась на бой. Хоётор поедал всех, кто был слишком слаб, чтобы выжить. Даже будь он безлюден, его освоение пошло бы с большим трудом. Тут не на всякую землю можно присесть, не каждую воду – пить. Сожрать мог не только зверь. Миленький цветок-кровопийка с удовольствием цапнет, если встанешь слишком близко. Придя из зимней Салеи в Лес, ты мог оказаться посреди золотистой осени. А шагнув в другую чащу, провалиться в сугроб. Здесь всё было *иначе*.

Люди меж собой жили тут в таких же сложных и необъяснимых связях, какими были сами земли Хоётора. Постоянно воюя друг с другом, они имели какое-то подобие единой власти. Управление из восьми Высших жрецов и одного Главного. Были ли в Хоёторе законы? У каждого народа имелись какие-то свои правила, касавшиеся жизни в кругу племени, общины или поселения. Но про общие законы Хабдир не слышал.

Связывало народы Хоётора ещё поклонение Господам. Может, молились и богам, за всю землю-то не скажешь. Те же отступники-крысаки отвергали власть Господ, отчего и были изгоями везде. Тьфу, даже с верой не уговорились и поцапались! Сколько лет прожил Хабдир под боком у Хоётора, а понимать его так и не научился.

– Хуанисайцы с нотасайцами теперь вместе Лес прощупывать будут? – Мхян вопросительно посмотрел на виларий, и тот отрицательно мотнул головой.

– У них вражда.

– Как так? Они ж промеж собой говорили, и хуанисайцы пришли на помощь нотасайцам, – не понял Мхян.

– Они против крысаков выступили, – Хабдир устало почесал голову. – Хрѝбный их поймёт. Хуанисайцы явно вернулись, чтобы отдать старый должок нотасайцам. Но это… как сказать… их личное, межнародное дело. А крысаки и печать – это общее. Щас с этим разберутся, потом погрызутся. Печать точно по отдельности искать будут.

– Да как…

– Не ломай голову, – скривился Онт. – Одни Тёмные этих хоёторцев поймут. Как ещё сами друг друга не перебили.

– Ага, – поддакнул Ёрих. – Мужиков прорва гибнет, а они себе баб побольше берут, детей строгают сколько могут и в бой! Лет триста назад нотасайцы выбили хуанисайцев из этих мест, и тем пришлось кочевой образ жизни принять. Шлялись, шлялись, а тут в силу опять вошли и вернулись. Ну, наплодились, значит, в прежнем числе, можно вновь дохнуть.

– Нет, – Хабдир качнул головой, будто отвечая каким-то своим мыслям. – В ближайшее время не схлестнутся. Пока с пророчеством чесотка не утихнет, друг другу глотки резать не пойдут. Всё же в этом Главный и Верховные жрецы над ними власть имеют.

Забывшись, он всё же поднёс плод к губам и куснул. И тут же замер, высоко приподняв брови. Взоры всех мгновенно скрестились на виларии, Лирка ехидно прищурилась. Выплёвывать было уже как-то… трусливо, и мужчина, пережевав, проглотил.

– Ничего так, – вынужденно признался он.

– Может, в кусты и пальцы в рот? – Ёрих страдальчески скривился.

– Лирка вон жрёт и ничего! – вспылил виларий, которому очень хотелось последовать совету.

– А давайте нарвём мешок и хоёторцам подсыплем? – Мхян взволнованно подпрыгнул на месте.

– А то не подсыпа́ли! – отозвался Ёрих. – Они с этой напастью быстрее нас разбираются. Да и будут потом новорождённые жралята искать того, кто их «породил». Хочешь стать папочкой жрал?

– Фу! – сморщился парень. – А чего сами хоёторцы тогда не боятся рвать их и нам подбрасывать?

– Боятся, – уверенно ответил Ёрих. – Только шаманы и жрецы не боятся, но у этих скотов точно отвод какой есть. Лирк, отвод можно придумать?

– Надо жрало изучать вживую, – отозвалась женщина. Она уже наелась и теперь выбирала фрукты более придирчиво, выискивая пропитанные наливной сладостью.

– Чё вы про жрал-то заладили? – поморщился Хабдир, с досадой смотря на надкусанную босику. – Нас тут в клещи скоро затянет, а мы так ещё и добровольно остаёмся.

– Отошлём часть? – предложил Вехна.

Повисло недолгое молчание. Все насупились. Уходить никто не хотел, но и обузой для отряда быть тоже. Другой отряд и задумываться бы не стал. Самое большее – посыльного отправили бы на заставу, чтобы предупредить хавария. А если кто будет не очень расторопен в бою, то… Ну за свою судьбу каждый сам ответ несёт.

А у них было иначе. Может, потому и не гибли в их отряде.

Лирка отёрла о штаны почти прозрачный золотистый плод и впихнула встревоженному Мхяну в руки. Тот оторопело на неё посмотрел, но женщина строго велела:

– Ешь. Волнение успокаивает.

– Ага, – хмыкнул парнишка, – после такого уже ничего не испугает.

И принюхался.

– Одни имя заслуживают, а другие за спинами ходят, – Онт отвёл взгляд. Его-то в тыл отправят вслед за Мхяном.

Лирка только из-за этого и решила остаться на Харинской заставе. Из-за имени.

Сперва никто из них не думал всерьёз заслужить имя. Настоящее имя рода, чтобы уже никто не смел тыкать в них с презрением, высокомерно смотреть или за спинами кликать сорной травой. Ведь их даже сухой веткой семейного дерева назвать нельзя. Родились как бурьян, как бурьян и издохнут.

Думка возникла стихийно, когда они в очередной раз сидели у костра и тихо пересмеивались, пока Ёрих не вспомнил шутку, которую провернул с одним молодчиком. Вспомнилась и причина, по которой вредителю пошутить захотелось. Уже стало не так смешно. У Лирки спросили, правда ли, что жрецы могли имя заслужить и получить у главного жреца, а не как все остальные – от консера или от самого хайнеса. Опять начали смеяться, с ехидством вспоминать, какие у кого заслуги и чего там для имени нужно… и в смятении умолкли. Заслуги у всех были. Поднабрать бы ещё чуток, чтобы к ближайшему консеру нестыдно было обращаться, и двух членов для семейства найти. А то их всего девять, без Нария и Мхяна, которого тогда ещё не было с ними, и с Лиркиным малым, а по правилам на родовое имя могла претендовать «семья», в которой не менее одиннадцати душ.

Вроде пошутили, посмеялись, неделю походили смущёнными. А потом Хабдир собрал всех, ну и спросил: а чего не попытаться? Жить без имени тяжело, выбиться с низов сложно, а у них здесь самое то заслуги собирать. Поговорили, и пошёл виларий к начальнику заставы. Хаварий охнул, похлопал глазами и пообещал заслугам вести строгий учёт, а их отряд не разбивать и не разбрасывать.

– Щас только Мхян пройти сможет, – Хабдир нахмурился. – Тут сидеть будете. Мхян, вот только если вытащишь свою любопытную задницу поперёк приказа…

– …я её подстрелю, – мрачно пообещал Сендар.

Лирка отцепила от пояса мешочек и высыпала на ладонь горсть чёрных косточек.

– Я тут над ними поколдовала, но не знаю, как на практике себя проявят, – женщина протянула одну виларию, и тот, прищурившись, осмотрел её.

И изумлённо прицокнул. Всё же руки у Лирки были золотые. Вся кость была пронизана тончайшей резьбой.

– Если положить её в рот под язык, чтобы слюной смочилась, то вас должны за жрал принять. Только я не уверена, что хоёторцы обманутся. Они всё же дольше с жралами живут.

– Зато наши обманутся, – Ёрих с энтузиазмом схватил ядрышко.

– Чтоб на заставе и говорить о том не смели! – Хабдир строго на него зыркнул. – Сперва опробуем. Потом хаварию скажем.

– Ну и голова у тебя, – Вехна с уважением посмотрел на женщину. – Сразу видно, что учёная, а не как этот Дориний.

«Учёная», – насмешливо протянул дух.

«Она учится, – осадил его господин Наэш. – *Милая, ты молодец. Не слушай его, это твоя заслуга».*

И всё же Лирке было неудобно, потому что они делали амулеты вместе с господином Наэшем. И да, Иррес тоже немного помог.

– О, а помните, чего жрец говорил про предсказания? – Ёрих оживился. – Вроде как если дитя в силу войдёт, то очень многие погибнут из-за жены мертвеца.

– Вдовы, что ль? – нахмурился Вехна.

Все тут же посмотрели на Лирку и ехидно осклабились.

Та мрачно вскинула брови и протянула:

– У них своих вдов нет?

Вновь оставив товарищей, Лирка, Хабдир, Ёрих и Нарий ушли. Далеко идти не пришлось. В двух верстах от жрального дерева они столкнулись с отрядом хуанисайцев, которые во главе с главным шаманом прочёсывали окрестности. Подойти ближе к встревоженным хоёторцам соглядатаи не отважились.

Когда начало смеркаться, виларий отправил Лирку назад в лагерь.

«Чую, что Старшие опять пытаются захапать эти территории, – Иррес с удовольствием делился мыслями. После того, как он стал открытым и честным с Лиркой, заткнуть его не удавалось. – *Придумали хитрожопистый план, чтобы эти рехнувшиеся сами себе погребальный костёр сложили».*

«Предсказания на то и даются, – заметил господин Наэш. – *Вспомни легенду о Синѐне, который из-за пророчества пытался убить сына, а тот вырос и в отместку убил его. Как и было предсказано. А вот если бы Синен не пытался…»*

«…сын грохнул бы его за что-то другое», – цинично хмыкнул дух.

Лирка остановилась и прислушалась. Иррес умолк, внутри вскинулась медведица, слух обострился. Встревоживший женщину треск не повторился, но она всё равно сменила направление и, перешагнув опасные жёлтые воды ручья, осторожно протиснулась меж длинных стеблей костровика. Тот цвёл, и от его огненно-красных цветов невыносимо тянуло гарью, а пыльца разлеталась в стороны искрами и пеплом.

Опять послышался треск, и женщина положила ладонь на ремень арбалета. Но не успела стащить его, как в плечо её пихнула могучая грудь подселенца. Лирка вопросительно вскинула голову, остро сожалея, что при разделении они не могут мысленно говорить друг с другом. К этому быстро привыкаешь.

От шерсти зверя шло мерное голубоватое сияние, хвост трепетал и разносился в разные стороны, и в целом они стали очень заметны для чужого глаза. Принюхавшись, подселенец замер, свернув башку набок, а затем ощерил сероватые дёсны в ухмылке.

– Ба, кто тут ходит… – рокочуще протянул он.

– Спрячься, – велела Лирка.

– Нет нужды. Этот и так чует. И боится, боится… – звёздчатые глаза довольно прищурились. – Он не подойдёт. Даже в такой форме я сильнее.

Ухмылка сошла с морды, и надбровные дуги нахмурились. Верный знак, что контроль взял господин Наэш.

– Он ведь расскажет остальным, – даже голос изменился, став более глубоким и размеренным. – Почему он шастает по Лесу? Ты говорил, они не любители праздных прогулок.

Выражение звериной морды опять изменилось, уголки серой пасти поползли вверх.

– Печать, – длинный язык прошёлся по губам. – У его печати всё ещё нет хозяина. Он ищет его.

Хрусть-хрусть-хрусть. Частый треск, словно кто-то побежал, встревожил тишину.

– Пытается напугать Лирку, чтобы она ушла, – дух презрительно хмыкнул.

Рядом с Ирресом Лирка мало кого боялась.

– У нас будут проблемы, если они прознают о тебе, – господин Наэш был встревожен. – Иррес, это всё очень плохо.

Зверь досадливо сморщил лоб.

– Мы не сможем оставаться при заставе, если они прознают.

– Мы не сможем оставаться в Хоёторе, если они прознают, – поправил дух. – Они не пересекут границу. Самое большее – смертных подручных подошлют, но те точно не сладят.

Шлёп.

Зверь резко опустился на землю, и Лирка присела рядом.

– Смертный, – выдохнул подселенец.

Обогнув звериное тело, женщина замерла у колеблющихся стеблей костровика.

Тьма за ними расцвечивалась огненными искрами, желтоватым сиянием от воды и оранжевыми отблесками от стволов деревьев. Вспорхнула яркая сине-зелёная ночная птица. Из-за мощного краснолипника показалась крупная, по-звериному согнутая фигура.

«О, знакомый», – подселенец вернулся в тело Лирки.

Женщина тоже узнала колдуна, с которым вчера сшиблась у заставы. Мужчина выглядел так, будто ожидал нападения. Рыскал по кустам взглядом, шевелил ноздрями и словно щупал воздух пальцами.

«Похоже, новый хозяин печати. Я бы выбрал Ли-риана».

Лирка облизнула губы, чувствуя, что ей выпадает невероятная удача подсмотреть, как происходит передача печати.

«Нам лучше уйти», – господин Наэш волновался.

«Не нуди».

«У нас Ханён!»

Это мгновенно образумило женщину, и она осталась неподвижно сидеть на месте.

Колдун тоже замер. Сильнее зашевелил ноздрями и повернулся в сторону Лирки. Та напряглась. Почувствовать её запах хоёторец не мог, все члены отряда пользовались скрывающими запах зельями. Но он мог почувствовать какой-то запах, которого здесь быть не могло. Который она подцепила в другой части Леса. Босику? Она её зельем и запила, а фрукты для Ханёна под деревом оставила.

Тёмные! Костровик же рядом и палёным волосом пахнет!

Колдун напрягся ещё больше, но в этот момент налетел ветер и в уши влилось странное шипение.

Лирка тряхнула головой, но шёпот только нарастал, и она не понимала ни слова из него.

«Подманивает. Сиди спокойно, ему сейчас невыгодно, чтобы колдунишка отвлекался».

Шаман действительно отвёл взгляд от кустов и, словно одурманенный, развернулся.

А затем резко дёрнулся обратно, выбросив в сторону костровика руку.

«Иррес…» – только и успел рявкнуть господин Наэш, как Лирку снесло вместе с цветами и протащило сажени четыре назад.

Бок вспыхнул болью, когда её приложило о поваленный ствол, но женщина мигом собралась и поднялась на корточки, не спеша полностью выпрямляться.

– Думал одурачить меня? – до слуха донеслось хмыканье колдуна, а потом в поле зрения появился и он сам.

Судя по стёкшей вниз улыбке, ожидал он увидеть не Лирку.

Та медленно выпрямилась, исподлобья смотря на шамана. Его лицо искривила гримаса отвращения.

– Лисьи морды, – бросил он, имея в виду салейцев, – пролезли. Глаза опусти, бесстыжая.

– Боишься, прокляну? – тихо спросила Лирка.

Ярость вспыхнула в глазах шамана, желваки заходили по лицу.

Склонив голову, женщина продолжила хриплым шёпотом:

– А я могу.

«Иррес, прекрати!» – осадил господин Наэш взявшего бразды контроля духа.

– О, – колдун понимающе ухмыльнулся. – Глаза застила маленькая победка.

«Зачем ты его раздразнил?!»

«А то бы он нас просто так отпустил? Какая уж разница?»

– Не женщине постигать тайное знание, – продолжал шаман. – Вы суетливы и в торопливости невнимательны. Среди вас есть умные, но нет мудрых. И нет действительно сильных.

– Зато нам нет нужды красоваться, чтобы потешить самолюбие, – ответила по-северосалейски женщина.

«Лиркая!» – рявкнул господин Наэш.

Всё же Иррес плохо на неё влиял.

Колдун её понял. Уголки губ судорожно дёрнулись. Видимо, шаман припомнил собственное «красование» у заставы, из-за которого и проиграл.

В следующий миг он выбросил вперёд руку, а Лирка отпрыгнула в сторону. Поваленный ствол отшвырнуло назад, женщину тоже зацепило, и она всё же ударилась о дерево, но успела выставить щит. Он треснул от удара с ощутимым материальным хрустом. Господин Наэш потеснил Лирку и, взяв контроль над телом, топнул и будто что-то разрубил ладонью. Со сдавленным криком шаман повалился на землю, но через секунду вновь вскочил, прикрывая ладонью тянущийся через всю грудь ожог.

В этот раз он не стал, как у заставы, показательно-медленно вытанцовывать. Руки стремительно раскинулись и сошлись, выписывая узоры. Господин Наэш в теле Лирки описал ногой круг и выставил вперёд левый локоть. Поднявшийся вихрь разбился о плотный видимый щит, стеной выросший от земли на три сажени ввысь.

«Лирка!»

Женщина метнулась вперёд ещё до приказа. Беспрепятственно миновала щит, оказалась прямо перед обескураженным налетевшим на него самого вихрем шаманом и, сжав кулак, со всей силой ударила оборотня в челюсть. Раздался хруст, и мужчина кубарем покатился по земле. Женщина бросилась к нему и, рывком перевернув, ударила ещё раз. Но колдун оказался крепким. Пинком в живот отшвырнув Лирку, он отцепил от пояса маленький глиняный бутылёк и метнул его в женщину. Та успела выставить щит, но грохнуло так, что землю вырвало из-под ног, тело швырнуло в жёлтую воду ручья, а огонь всё же плюнул в лицо.

И обтёк по тонкой голубоватой плёнке.

Лирка тяжело села на задницу и замерла, смотря на застывшего шамана. Тот в ярости и недоумении щерил зубы.

– Что это? – выдохнул он. – Ты не можешь быть жрецом! Ты женщина! А самое большее, что даровали вам Господа, – это возможность рожать.

Иррес не смог стерпеть. Сам того не зная, шаман подпрыгнул на любимой мозоли духа. Зверь сшиб мужчину на землю в один прыжок и, вмяв его лицом в землю, с ненавистью прорычал:

– Ты сперва сам роди, сухляда долбанная! Я тебе в задницу…

Лирка торопливо отёрла лицо оставшимся сухим правым рукавом и начала выползать из опасного ручья. Пальцы путались в слизких нитях подводных трав, словно нарочно удерживая.

– …тогда ты!..

Описание предстоящего удовольствия прервал жуткий крик, донёсшийся из глубин Леса. Лирка вздрогнула и наконец выползла на берег, судорожно осматриваясь. В крике было и отчаяние, и боль, и ненависть. Казалось, от испуга затих даже ветер. Зверь приподнял голову от лежащего неподвижно шамана и напряжённо уставился на Лирку.

– Ты что-то нашла?!

– А? – та изумлённо посмотрела на него. – Нет…

Она осеклась и осмотрелась. Может, упала на что-то. Левую руку наконец удалось выдернуть из травянистых пут. Только один стебель вытянулся вместе с ладонью из воды, обвившись вокруг среднего пальца. Лирка попыталась его сдёрнуть и оторопела, сообразив, что это не трава, а чёрная разлохматившаяся верёвочка.

Женщина с немым вопросом посмотрела на зверя. Тот раздражённо вмял лапами шамана в землю и сплюнул ругательство.

– Мелкая, вот тебе по жизни везёт! У богов точно на тебя планы!

Глава 7. Проклятое дитя

Схватывающую боль А-ара чувствовала с прошлого дня. Стоило бы сказать старшим жёнам, но она боялась и словно ждала чего-то. Терпела, кусая губы и нежно поглаживая каменеющий живот. Другие женщины её не трогали. Привлекать к работам на таком позднем сроке беременных было запрещено. Только старшая жена-мать И-тона пару раз подходила и, подозрительно щурясь, спрашивала, всё ли в порядке.

К полудню снаружи наметился какой-то шум, женщины встревоженно зашушукались, и А-ара обеспокоенно приподнялась.

– Крысаки объявились, – презрительно протянула старшая, и А-ара испуганно сжалась.

Про отвергавших истинную веру чего только не говорили.

– Не бойся, тебе нельзя, – старшая сурово посмотрела на неё. – Мужчины с ними разберутся. Наш господин не пропустит крыс в свой дом.

– Господин муж ушёл? – удивилась А-ара.

В последний месяц Хо-ёта-си редко покидал становище. Ожидал рождения сына.

– Ты думала, у твоей юбки сидеть будет? Конечно, ушёл. Рожать ты вроде пока не собираешься… Не собираешься же? – тёмные глаза подозрительно сощурились.

– В-вроде нет.

Волна боли вновь накатила, А-ара почувствовала, как под платьем зашевелился живот, но продолжила с лёгкой растерянностью смотреть на старшую жену. Та что-то заворчала и отвернулась.

Точившие А-ару в последние дни страхи обострились. Она не понимала, почему врёт. Будто ложь могла отсрочить рождение ребёнка. Ненадолго забываясь тревожным сном, женщина слышала вкрадчивый шёпот.

«Твоё дитя живо, пока в тебе».

Просыпаясь, она, судорожно дыша, гладила и мяла живот, тревожила ребёнка, заставляя его шевелиться. Ей хотелось убедиться, что дитя внутри неё живо. Потом ловила на себе в течение дня взгляды злой То-нии, и взгляды эти не были злыми. То-нии хмурилась, кусала губы, болезненно морщилась и, столкнувшись с глазами А-ара, торопливо отворачивалась.

И тревога нарастала.

А-ара боялась рожать. Боялась, что ребёнок, покинув её тело, умрёт.

Ближе к вечеру женщина поняла, что отрицать реальность больше не получится. Её дитя хотело появиться на свет. Муж всё ещё не вернулся в поселение, и её это и радовало, и пугало. Улучив момент, когда другие жёны были заняты детьми, А-ара выскользнула из шатра и, переваливаясь, направилась к кустам.

Идти было тяжело. Живот всё чаще и чаще болезненно каменел, ноги сводило судорогой и низ живота сильно тянуло. От страха тряслись плечи, А-ара сама не понимала, что творила. Она хотела спрятаться, сбежать и родить своего малыша вдали от чужих глаз. Покидая становище, женщина не подумала ни о диких зверях, ни о крысаках, ни о муже.

А-ара помнила, что где-то недалеко располагалось старое капище. Уже никто не помнил, кому из Господ оно посвящалось, жрецы не справляли там обряды. Местность она знала плохо и не представляла, куда ещё податься.

Из-за живота сложно было рассмотреть землю под ногами. Женщина спотыкалась, иногда приваливалась к деревьям, тихо постанывая и борясь с желанием лечь на землю и свернуться среди корней. Путь до капища показался ей очень долгим. Почти сдавшись, А-ара села под кустом и разрыдалась от жалости к себе и от страха за ещё не рождённое дитя.

Что она делает? Даже если у неё не сын, как она поможет своему ребёнку? Как спасёт его? А-ара в отчаянии кусала губы, мысли разбегались после очередной волны боли, и реальность размывалась и воспринималась всё хуже.

Кое-как поднявшись, А-ара всё же дошла до каменного столба, увенчанного каменным же черепом, затылок которого словно кто-то отсёк.

– Мы почти пришли… почти… – беспрестанно шептала женщина, поглаживая живот. – Ещё…

Застонав, она рухнула на колени, чувствуя, как по бёдрам потекло что-то горячее и влажное.

– Уходить надо немедленно, – прорычал подселенец, яростно размахивая хвостом. – Сам он не сунется, но натравит смертных.

Лирка сидела на берегу и оторопело таращилась на качающийся в воздухе восьмигранный амулет. Мягкое золотистое свечение мешало присмотреться тщательнее, но женщине, откровенно говоря, и не хотелось.

– Он может сказать другим Господам? – настороженно-обеспокоенный вопрос явно задал господин Наэш.

– Признаться в таком… Да и не помогли бы… – Иррес в сомнении умолк. – Но пророчество… Они явно чего-то боятся и разбрасываться силами не будут. Если скажет, могут и вмешаться.

Стряхнуть верёвочку амулета с пальцев не удалось. Она крепко держалась, даже вроде сильнее впилась в кожу.

– Не избавишься, – Иррес досадливо поморщился и ехидно протянул: – Теперь только смерть разлучит нас…

Выражение морды переменилось, и речь оборвал господин Наэш:

– Но жрец как-то избавился от неё перед смертью.

– Не избавился, а спрятал! – Иррес недовольно встопорщил усы. – Ему пришлось призвать Господина печати, чтобы сделать это. Предлагаешь позволить ему подойти к Лирке?

– Договориться? Что ему от её смерти?

– Наэш, они сумасшедшие! – дух зарычал. – Меня вспомни. И чем нам поможет твоё «спрятать»? Спрятать – не избавиться. Всё. Вляпались. Пока не умрём – мы хозяева печати. Или… – он неожиданно зыркнул в сторону и плотоядно облизнулся. – Или пока Господин печати не сдохнет.

Лирка на всякий случай всё же попыталась сдёрнуть печать. Верёвочка покорно отпустила её пальцы, а амулет аккуратно лёг в ладонь. Помедлив, женщина положила его на берег. Пластина выскользнула из руки, но верёвочка тут же змеёй шмыгнула меж стеблей и оплелась вокруг щиколотки.

– Мы жрецы?

Господин Наэш смирился с существованием проблемы. И теперь ему важно было познакомиться со всеми её сторонами.

– Вот ещё, – презрительно фыркнул Иррес. – Я не собираюсь быть чьим-то прислужником.

– Может, хоть какие-то силы даёт?

– Бодрит, – дух ехидно заржал. – Проблемы же всегда бодрят, а их теперь будет больше.

– Без ребят никуда не пойдём, – твёрдо заявила Лирка.

– Да виларий, как увидит печать, сам тебя вытащит за шкирку, – уверенно отозвался Иррес и настороженно принюхался.

Лирка тоже принюхалась и поспешила отодрать печать от ноги и засунуть за пазуху.

По воздуху плыл запах крови.

– Ли-риан, – выдохнул подселенец. – Живее! На меня.

Не мешкая, Лирка вскочила на хребет склонившегося зверя и привычно умостила согнутые ноги на его боках. Подселенец немного задержался. Склонился над распростёртым на земле шаманом, чутко шевеля носом и ушами.

– Сдох.

И тут же из его пасти вырвалось полное сомнений:

– Точно?

– Грудину сломал. Сердце не стучит.

– Давай голову…

– Вот сам и откусывай! – взбешённо прошипел Иррес. – Но не нашими зубами.

– Он близко, – поторопила Лирка.

Она не боялась, но сердце взволнованно бухало в груди. Ли-риан-си был непонятным противником. Чёрная кровожадная мгла, которую шаман носил на плечах как плащ, оставалась загадкой даже для Ирреса. Он не понимал её сути и не видел источник, из которого она брала силы.

В два скачка зверь покинул поляну с переломанными костровиками и протиснулся в красные кусты рябоники, словно плоти не имел вовсе. Спугнул только облако желтоватой мошкары. Далеко убегать не стал. Через двести саженей заскочил на краснолипник и взлетел вверх по веткам саженей на десять. Там и замер.

Меж могучими ветвями крохотным тлеющим пожарищем виднелась распаханная полянка с костровиком. Лирка сползла со спины подселенца, и тот поспешил скрыться в её теле, чтобы не маячить на красно-оранжевом древе голубым огоньком.

Прожив столько лет на приграничье, Лирка уже мало чего боялась. Слишком часто видела вещи жуткие, необъяснимые. Да и под защитой Ирреса и господина Наэша пугаться не хотелось.

Но когда в ночной тьме Леса появилось вполне видимое и *осязаемое* облако черноты, Лирка почувствовала, как внутри всё натягивается от напряжения, от ожидания чего-то страшного. Будто следом за облаком среди колышущихся ветвей должны были показаться членистые лапы, затем суставчатое тело и ужасно мохнатая башка самого мерзкого обитателя Леса, а не сутулый брюнет.

Ли-риан-си замер над мощным телом распростёртого шамана, а вот тьма над его головой словно взбесилась. Она металась в невидимой клетке и как будто хотела наброситься на мертвеца и растерзать его. Она беспощадно пожирала мелкие искры костровика, поглощала яркие точки мошек, не позволяя им касаться замершего шамана. А когда тот отступил от тела и поскользнулся на склизком берегу ручья, неожиданно подпёрла его и выпихнула на сухое. И колдун мягко провёл по чёрным языкам тумана ладонью, как бы лаская. И было в этом нечто более жуткое, чем в зрелище, когда мгла разрывала крысаков.

«Он точно не жрец?» – голос господина Наэша звучал тихо, словно колдун мог их услышать.

«Точно, – уверенно отозвался Иррес. – *Он не отмечен вниманием Господ. Что за дрянь с ним?»*

Дух всегда сильно раздражался, когда что-то не понимал.

«К нему даже Господин Лиркиной печати соваться опасается».

«Если этот Господин так слаб, может, мы с тобой отловим его и зададим несколько вопросов?»– неожиданно предложил господин Наэш.

Лирка неодобрительно сморщила нос. Участвовать в погоне явно собирались без неё.

«Он трус! И как все трусы, бегает хорошо. Опасно оставлять Лирку одну. Он, может, только того и добивается. И сомневаюсь, что Господа знают о дряни Ли-риана больше

нашего. Если его сила блага в отношении к ним, то они бы уже затащили его в жрецы любым способом. А если нет, то устранили. Но он всё ещё ходит в шаманах».

Ли-риан слегка повернул голову, и Лирка вдруг поняла, что они смотрят друг другу в глаза. И она не усомнилась, что он на самом деле видит её. Тут же сорвалась с места, пробежала по толстой ветке и спрыгнула вниз, в едва видимые тёмные речные воды.

Губы шамана тронула насмешка, а в глазах сверкнул голодный голубой блеск.

А-ара плохо помнила, как добралась до развалин и устроилась под остатками каменной крыши на сочном ковре лошака. Ей доводилось присутствовать при родах в родном поселении, она думала, что готова, что сможет, но, когда голова затуманилась от накатывающей боли, всё забылось. Кроме страха.

Кусая губы и язык, она всеми силами пыталась молчать. Разум просыпался только в промежутках между волнами боли. В какой-то момент она ужасно пожалела, что ушла из становища, где о ней бы позаботились. Мелькнула мысль о горячей воде, чистых тряпках… И девушка глухо зарыдала.

Хотелось помолиться, попросить о помощи. Но сейчас, в самое тяжёлое и отчаянное время, А-ара боялась даже думать о Господах.

Река текла на северо-восток, и Лирка полностью отдалась её течению, лишь изредка загребая руками и ногами, когда отдельные потоки выносили её слишком близко к берегам, покрытым мягко светящейся травой. Выбралась она из воды, когда её отнесло достаточно далеко и Иррес сказал, что вот здесь можно выбираться.

«Где-то тут должна быть могила Аххентàра. Господа не смеют заглядывать на чужие могилы, это неприкосновенная территория».

«А смертные?» – господин Наэш опасался, что Иррес опять затащит их куда не надо.

«Жрецы и шаманы точно не суются, – хмыкнул дух. – *Страх какие суеверные».*

Первым делом, выбравшись на берег, Лирка нащупала печать за пазухой. Надеялась, что та выпала, но нет. Восьмигранник хорошо проступал под плотной мокрой тканью. За спиной мягко переступил зверь. От его тела потянуло теплом, а от горячего дыхания зашевелились мокрые кудри. Жар раскатился по телу, и Лирка почувствовала, как высыхают волосы и одежда. До конца не досохли, а сапоги и вовсе пришлось снять и слить с них воду.

Вытащив печать, Лирка недовольно в неё всмотрелась. Плоский восьмигранник из золотистого, сейчас светящегося металла. В центре зияла круглая дыра, от неё на равном расстоянии друг от друга расходились линии трёх кругов, между которыми тянулась затейливая вязь непонятных символов.

– В покое нас теперь не оставят, – Иррес тихо рыкнул. – Придётся уехать с заставы.

Сердце Лирки упало, когда она подумала об отряде и их неисполненной мечте об имени.

Резкий всплеск цвета в небе заставил женщину вздрогнуть и вскинуть голову. Ночное чудо Леса – загадочные и красочные картины – развернулось над кронами деревьев. Опять бесшумно плескалось море. Волны накатывали огромными валами, расползались по Лесу. Зрелище, на которое невозможно смотреть без трепета.

Подселенец пихнул Лирку лапой в плечо и кивнул в сторону противоположного берега. Почти сливавшийся с кромкой воды, он вдруг вырос, стал более отвесным. На лысой поверхности взметнулись и закачались длинные стебли. Женщина уже сталкивалась с такими иллюзиями. Они были не столь впечатляющи по масштабам, но здорово тревожили и сбивали с толку. Отличить их от реальности можно было только по отсутствию звука.

Стебли яростно закачались, будто кто-то продирался сквозь них, и на берег выпал мальчишка. Тощий нескладный подросток с чёрными спутанными волосами до плеч в страшно изодранной одежде. Лирка невольно подалась вперёд, когда увидела стёсанные костяшки рук и

влажные тёмные проблески в дырах лохмотьев. Рухнув на землю, мальчишка скорчился, и его плечи судорожно затряслись. Пальцы вошли в землю, всё тело изогнулось, и парнишка перевернулся на спину, корчась и выгибаясь. Лирка как воочию услышала глухие рыдания и вой. По сморщенному лицу катились слёзы, и всё тело мальчика сворачивалось в ужасных корчах. И терзала его явно не физическая боль. Его боль шла из самой глубины естества.

Лирка облизала пересохшие губы и почему-то вспомнила смерть отца.

Вдруг мальчишка замер, словно прислушиваясь, а затем резко вскинул голову и уставился на Лирку огромными заплаканными чёрными глазами.

Картина подёрнулась и начала расплываться по горизонтали, отчего показалось, что губы паренька искривились в жуткой ухмылке.

– Пошли отсюда, пока чего страшнее не привиделось, – Иррес боднул застывшую Лирку в плечо.

Та встала, продолжая смотреть на уже совершенно чистый берег. Глубоко в груди что-то саднило.

Совершенно измученная А-ара пришла в себя уже после полуночи. Она не потеряла сознание, но пребывала в каком-то бреду на грани реальности. Живот больше не скручивали волны боли. Боль стала равномерной, и ныло всё тело.

Какое-то прояснение наступило, когда до слуха донёсся неясный звук. То ли кряхтение, то ли слабое мяуканье.

Ребёнок!

Мысль прошила сознание молнией, и А-ара судорожно, преодолевая слабость и боль, приподнялась на локтях и попыталась сесть. Под юбкой на постеленных поверх лошака шароварах кто-то слабо-слабо шевелился. В измученном теле появилась сила, и девушка наконец кое-как села и сдёрнула подол на живот.

Громкий выдох сорвался с губ, когда она увидела рядом с тёмным комом последа слабо шевелящего ребёнка. Помятого, измученного родами, как и она сама. Облегчение захлестнуло девушку. Хвала всем силам, она справилась! Склонившись, она осторожно подняла на руки влажное маленькие тельце. Сухие рыдания сдавили грудь.

Она родила живого ребёнка. Он не умер, покинув её тело.

На краю сознания билась мысль, что она забыла что-то важное. А-ара засуетилась. Боль окончательно забылась, ребёнок требовал заботы. Нужно перерезать пуповину, нужно укрыть малыша от холода… Она с нежностью отёрла кровавые потёки со сморщенного личика, подарила первый поцелуй этому крошечному и уже такому любимому существу. С жадностью пыталась высмотреть в темноте каждую чёрточку, с умилением поняла, что вот эта клякса над левой бровкой не мазок крови, а родимая метка. Её ребёнок был так красив! Он…

А-ара наконец смогла поймать бьющуюся мысль и бросила взгляд вниз, на ножки младенца и его животик. И холод мгновенно сковал её нутро. Вскинувшийся страх сожрал всю радость, всё тепло, весь трепет.

Она родила не сына, нет.

Губы девушки задрожали, и она тихо завыла от бессилия.

Дочь на руках залилась тихим мяукающим плачем.

Могилка высилась в темноте полуразрушенным храмом.

– Раньше это было святилище, – сказал зверь, выходя вперёд. – На территорию чужого святилища никто из них не смеет заходить.

– Это святилище только для одного? – удивилась Лирка.

В Арван-Ё она тоже видела святилище, но по словам Ирреса оно предназначалось для нескольких Господ.

– С Аххентаром никто не мог ужиться. Он был сумасшедшим даже среди этих сумасшедших.

Травы, растущие здесь, почти не светились, и тьма плотно скрывала разрушенные стены. Лирке это место невольно напомнило Арван-Ё, который тоже утратил свой волшебный жутковатый облик.

– Не будем останавливаться здесь, только пройдём, – сказал подселенец. – Это собьёт их со следа.

– Собьёт? – усомнилась Лирка.

– Господ собьёт, если решат снизойти до нас, – поморщился Иррес. – А с остальными и так разберёмся. Тихо! – зверь неожиданно шикнул и прижался грудью к земле.

Лирка обернулась, настороженно осматриваясь и приседая. Потом до её слуха донёсся странный, неуместный здесь звук. Словно котёнок плакал. Внутри всё дёрнулось навстречу этому плачу, и Лирка едва успела себя осадить. Медведица внутри вскинула тяжёлую башку. Чуть позже слуха коснулся тихий женский голос и всхлип. Оборотница не сразу поняла, что кто-то по-хоёторски просит кого-то не плакать.

Иррес исчез, и голос тревожно зазвучал в голове:

«Странность какая…»

От развалин отделилась пошатывающаяся хромающая фигурка. Всхлипы стали слышны чётче. Кто-то захлёбывался в тихих рыданиях.

«Женщина. С ребёнком?»

Повинуясь какому-то инстинктивному побуждению, Лирка медленно распрямилась и сделала шаг вперёд. Как мать она чувствовала вязкое отчаяние другой матери и на миг позабыла, что находится на вражеской территории.

Фигурка замерла, испуганно вздохнула.

Почти минуту обе женщины просто стояли и в молчании смотрели друг на друга. Затем хоёторка качнулась вперёд, всхлипнула и, опустившись на колени, простёрлась ниц. Руками она выпихнула перед собой кряхтящий свёрток и, захлёбываясь, прошептала по-

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.